

18+

МАРИАМ ГВАСАЛИЯ

Впереди ещё семь перевалов

Мариам Гвасалия

Впереди ещё семь перевалов

<https://litres.ru/74319343>

ISBN 9785007090186

Аннотация

Если ты когда-нибудь возвращался домой после долгих лет чужбины и чувствовал, как земля под ногами становится родной — эта книга для тебя. Меги вернулась в Грузию после одиннадцати лет в Москве, чтобы начать всё заново. Отари — Олимпийский призёр, строящий школу дзюдо вопреки политическим играм и бюрократии. Грузинский роман о чистоте чувств, мужской чести и женской силе. О том, что самая важная встреча всегда происходит под дождём.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	52
ГЛАВА 9	61
ГЛАВА 10	67
ГЛАВА 11	81
ГЛАВА 12	102
ГЛАВА 13	111
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Впереди ещё семь перевалов

Мариам Гвасалия

© Мариам Гвасалия, 2026

ISBN 978-5-0070-9018-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«სიყვარულის გარეშე ცხოვრება შეუძლებელია»

«Без любви жизнь невозможна»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами путешествие в самое сердце Кавказа: где горы, устремлённые в небо, становятся немymi свидетелями человеческих страстей, а виноградные лозы, оплетающие дворы, словно символизируют прочные и вечные связи между людьми. Этот **грузинский роман** — гимн самой могущественной и прекрасной силы в мире, имя которой — любовь.

Но что есть любовь в грузинском её понимании? Это не только страсть, вспыхивающая между мужчиной и женщиной, хотя и она здесь пылает с силой, достойной горных орлов. Это всепроникающее начало, которое определяет всё. Это любовь к родной земле, пропитанная запахом сухого вина и дымом мангала; это сыновняя любовь, глубокая и безоговорочная; это братская преданность, готовая на любую жертву; это, наконец, тоска по дому, который всегда ждёт, и по столу, за которым всегда есть место для гостя.

В этом романе сила любви проявляется не только в громких словах и великих поступках. Она скрыта в молчаливом понимании взглядов, в терпении, что крепче гранита, в готовности защищать чистоту чувств от бурь и невзгод. **Здесь любовь — это действие.** Это работа рук, дарящих хлеб и вино. Это голос, поющий старинную песню за праздничным столом. Это мужество оставаться верным своим принципам и своей крови.

Именно здесь рождается та самая **чистота** — центральная тема этой книги. Чистота любви здесь — это не наивность или неведение. Это сознательный выбор. Это ясность намерений, неподдельная искренность чувства, которое не терпит фальши и компромиссов. Это та самая кристальная вода горных источников, что способна очистить душу и дать ей силы идти дальше, сквозь любые испытания.

Мы отправимся сложными тропами человеческих отношений, показывая, как любовь, словно виноградная лоза, может прорасти сквозь камень обстоятельств, как она способна возвысить человека, заставив его забыть о себе ради другого. Это история о том, что истинная любовь никогда не бывает удобной. Она требовательна, она испытывает на прочность, но именно она и есть тот вечный огонь, что согревает даже в самую холодную ночь.

Откройте же эту книгу и позвольте ей увлечь вас в мир, где чувства честны и глубоки, где долг и страсть идут рука об руку, а сила человеческого сердца способна преодолеть любые преграды. В мире, где любовь остаётся единственной и вечной истиной.

Я тебя люблю

Я тебя люблю

ГЛАВА 1

Самолёт касается взлётной полосы в 11:47 утра по тбилисскому времени. Жёсткое, но уверенное приземление сотрясает фюзеляж, и резкий скрежет тормозных колодок, переходящий в низкий гул реверсивных двигателей, возвещает о конце пути. Меги знает точное время касания, потому что специально не выключает электронные часы на запястье. Для неё это не просто техническая отметка, а якорь, который она бросает в бурный поток времени, желая зафиксировать ту самую секунду, когда всё начинается сначала. Каждая цифра на дисплее кажется ей символом перелома: до этой минуты была одна жизнь, после начинается другая.

Она сидит у иллюминатора, прижав лоб к холодному стеклу. Мама сидит рядом, в кресле у прохода, её поза напряжена, но взгляд направлен на дочь с безграничной заботой. Эмми, их маленький друг, находится в специальной переноске под передним сиденьем. Маленькое существо мелко дрожит от пережитого стресса и перемены обстановки; оно то и дело издаёт тихое, жалобное поскуливание, пытаясь найти привычный запах хозяев среди чуждых запахов салона и чистящих средств.

За иллюминатором расстилается тбилисское небо. Оно кажется одновременно ярким, почти ослепительно синим, и чужим, потому что Меги не видела его последние годы, но

в то же время оно глубоко своё, родное, знакомое с детства, с воспоминаниями о лете. Этот контраст вызывает странное чувство опьянения: родина, которая стала чужой, и чужбина, которая стала родиной.

Меги не плачет, слезы остались в прошлом. Она уже выплакала всё в Москве: в последний вечер, когда сидела на холодном полу пустой квартиры и смотрела на бледные следы от мебели на ламинате, напоминающие призраки ушедших дней; на прощальном ужине с диаспорой в ресторане «Тбилиси», когда под звон бокалов и душевные грузинские песни кто-то из старейшин сказал: «Ты всегда можешь вернуться», и эта фраза звучала как приговор, а не утешение; в такси по дороге во Внуково¹, когда водитель, пытаясь завязать разговор, спросил: «Надолго уезжаешь?», а она, сжав кулаки, не могла вымолвить ни слова, потому что знала: ответа нет, возвращаться было некуда.

Сейчас она пустая и собранная одновременно, как артистка перед выходом на сцену, когда в голове царит ледяная ясность, а сердце бьётся в ритме предвкушения финала. В этой пустоте нет боли, есть лишь пространство для нового наполнения.

— Дочка, — мама осторожно берёт её за руку. Тёплую, сухую, мамину, которая всё ещё пытается защитить, хотя Меги уже давно выросла. — Мы сделали это!

Меги кивает, чувствуя, как по спине пробегает легкая

¹ Международный аэропорт, расположенный в Москве

дрожь. Она сжимает пальцы в ответ, передавая матери всю ту благодарность и облегчение, которые не находят слов.

Сделали. Это слово теперь имеет вес золота. Они продали квартиру в Москве, ту самую, где прожили большую часть своей жизни, где Меги пошла во второй класс и впервые почувствовала вкус одиночества среди толпы, где она впервые надела туфли для танцев и почувствовала себя не своей в этом мире, и где наконец поняла: Москва никогда не станет домом. Она была временным пристанищем, транзитной зоной души, но не местом, куда хочется возвращаться после тяжелого дня.

Вместо этого они купили трехкомнатную квартиру в Тбилиси с современным ремонтом, выполненным в светлых тонах, с диодными подсветками по периметру потолка, создающими мягкую, уютную атмосферу вечером, и длинным балконом на весь фасад, откуда открывается вид на холмы и крыши старого города. В ванной комнате установлена огромная ванна, где можно лежать, закрыв глаза, и смотреть в окно на горы, которые всегда были частью её сновидений.

Меги выбирала эту квартиру сама. Она прилетала в Тбилиси всего на три дня в апреле, когда город цветёт и пахнет миндалем. Десятый этаж, вид на старый город, подъезд с консьержем, который встречает гостей вежливым кивком. Здесь каждая деталь продумана, воздух другой — более густой, насыщенный историей и жизнью.

Стены не помнят чужих голосов, полы не хранят следы

чужих шагов. Это их территория, их крепость, их начало.

— Ты уверена, дочка? — спросила мама, когда Меги подписывала договор купли-продажи в нотариальной конторе. Голос матери дрогнул, в глазах читался страх перед неизвестностью, перед разрывом с привычным укладом жизни, с карьерой, с друзьями.

Меги тогда ответила твердо, глядя в глаза матери:

— Уверена. Мы возвращаемся не в гости, а домой, на этот раз навсегда.

И в тот момент, стоя на пороге новой жизни, она уже знала, что этот выбор будет определять её судьбу, её радость и боль, но именно он сделает её по-настоящему свободной.

Самолёт катится по полосе, замедляясь. Эмми в переноске издаёт звук, похожий на обиженный писк.

— Тише, маленькая, — Меги наклоняется к клетке, погладив ее по макушке, Эмми тут же принимается к ласкам. — Мы дома...

ГЛАВА 2

Вечер опускается на Тбилиси медленно и тяжело, окутывая город плотной, влажной пеленой. Сначала слышится лишь легкий шорох, похожий на шелест сухой листвы, но вскоре он перерастает в уверенный, ритмичный стук.

Меги слышит его первой. Это не пробуждение в привычном смысле, она не вскакивает с постели, не открывает глаза с испугом. Она просто лежит, чувствуя, как сознание медленно возвращается из полудремы, и понимает, что не спит, а внимательно прислушивается к звукам, которые заполняют тишину. К звукам, которые звучат иначе здесь: в своей новой комнате, в новой квартире... в Тбилиси.

Дождь барабанит по плоской крыше соседнего дома, превращая ее в огромный барабан. Он шумит в густой кроне платана во дворе, взбивая листья в сочную зелень, и звонко дробится о металлический козырек балкона, создавая бесконечную симфонию капель.

Она медленно, чтобы не разбудить свою собственную тревогу, встает с кровати. Ноги находят прохладный паркет. Она накидывает теплый кардиган, чувствуя, как шерсть облегает плечи, и выходит в коридор.

Балкон в темноте выглядит иначе, чем днем. Он кажется длиннее, уже, уходящим в бесконечность. Внизу раскинулась карта огней: желтые пятна фонарей, красные хвосты

такси, мерцающие огни кафе на улице Шартава. Капли дождя, попадая на свет, превращаются в крошечные бриллианты, сверкая и гаснув в долю секунды.

Меги подходит к перилам и останавливается. Она подставляет ладонь навстречу потоку.

Вода касается кожи холодной и живой. Дождь здесь пахнет иначе. Он пахнет мокрой землей, пылью, которая осела за день, и чем-то сладким, теплым, возможно, это аромат инжира, который давно созрел и трескается на ветвях в соседнем дворе, или запах влажной земли после долгого ожидания дождя. В Москве дожди пахнут тяжелым асфальтом, бензином, выхлопными газами и чем-то металлическим, чужим. Здесь же пахнет жизнью — настоящей, земной, непричесанной жизнью.

Она закрывает глаза, позволяя звукам и запахам наполнить ее полностью.

В тринадцать лет, после очередной репетиции в московском ансамбле грузинских танцев, когда ноги еще не слушались, а душа уже горела, старшая девочка Нино, с серьезным лицом и горящими глазами, сказала ей:

— Меги, самая романтичная встреча случается под дождем. Ты стоишь, мокнешь, чувствуешь себя немного чужой в этом мире, а к тебе подходит он... и ты понимаешь сразу, без слов, всем существом.

Меги тогда рассмеялась, звонко, откровенно, потому что подростковая романтика казалась ей чем-то из старых филь-

мов, недоступным и нелепым, но запомнила каждое слово.

С тех пор каждый раз, когда на улице начинался дождь, она ловила себя на одной и той же глупой, навязчивой мысли: а вдруг сейчас? А вдруг именно в эту секунду, под этой струей воды, произойдет то самое чудо?

Конечно, ничего не случилось. Москва, этот огромный, холодный механизм, не верит в такие сказки. Она требует логики, стратегии, расчета. Романтика здесь — это роскошь, которую можно позволить себе только в исключительных случаях.

Меги снова думает об этом. Она смотрит на огни города и улыбается с легкой, теплой иронией.

Дождь усиливается, превращаясь в ливень. Вода хлещет по стеклам, шумит так громко, что кажется, будто весь мир сузился до этой точки на балконе. Меги стоит еще минуту, впитывая этот момент, затем поворачивается и возвращается в комнату.

Она ложится на кровать, закрывает глаза и долго слушает, как вода стучит по крыше, смывая за собой прошлое. Сон приходит не сразу, мысли крутятся, перебирая события последнего месяца, но постепенно шум дождя убаюкивает их, и Меги погружается в глубокий сон.

ГЛАВА 3

В ту же ночь, когда городские огни Тбилиси начинали меркнуть в предутренней дымке, за двести километров от столицы, в суровых и величественных горах Тушети, Отари тоже не спал.

Он сидел на широкой веранде своего старого дома, построенного из местного серого камня, который в сумерках казался почти черным. Плоская крыша, устланная тяжелыми плитами, остывала после жаркого дня, и по ней, словно живые тени, бегали ящерицы — маленькие, быстрые существа, чувствующие приближение холода. Ноги Отари небрежно лежали на грубых деревянных перилах, а взгляд был устремлен высоко в небо. Здесь, на высоте, где воздух тонкий и прозрачный, звезды казались ошеломляюще низкими, будто их можно было собрать в пригоршню, если лишь потянуться рукой. Тишина была такой густой, что слышалось даже бие-ние собственного сердца.

Отари медленно отпивал холодный чай из старой глиняной кружки. Чай был крепким, терпким, с привкусом трав, собранных на альпийских лугах. Он пил и думал, мысли плелись тяжело, как паутина в заброшенном углу.

Всего лишь несколько часов назад, ранним утром, к нему приезжал строитель — толстяк с потным лицом и вечной блокнотной тетрадью в руках. Он пришел посмотреть помеще-

ние под будущую школу в Тбилиси, которое Отари арендовал на последние свои средства. Строитель долго ходил по пустым комнатам, постукивая каблуками по бетону, и наконец показал смету. Цифры на бумаге выглядели как приговор. Отари почувствовал, как его челюсть невольно сжалась в кулак, отчего по всей голове прошла тупая, ноющая боль. Сумма оказалась пугающе точной: почти ровно столько же, сколько он получил за серебряную медаль на Олимпиаде. Вся премия, до последней копейки, ни лари² на развитие, ни лари на рекламу, только стены, крыша и базовая инфраструктура.

— Школа будет, — произнес Отари тогда вслух. Голос прозвучал твердо, но внутри что-то дрогнуло. Ему нужно было услышать этот звук, чтобы убедиться в реальности своих слов. Строитель кивнул, но в его глазах мелькнул скептический блеск — человек видел тысячи таких проектов, которые умирали на этапе планирования. Отари молча заплатил за независимую экспертизу и остался в пустом, гулком цеху один.

Пахло здесь сырым цементом, старой пылью и чем-то неуловимо новым — будущим. Это будущее пахло горьковато, как полынь, растущая на заброшенных склонах: оно требовало терпения и боли, но обещало исцеление.

Вечером, перед тем как сесть на веранду, он объезжал своего коня Чико. Животное было беспокойным: шерсть бле-

² Лари — это национальная валюта в Грузии

стела, ноздри расширялись, уши были настороженно направлены вперед. Чико чувствовал приближающуюся грозу, которая, как это часто бывает в горах, так и не пришла, оставив лишь статическое напряжение в воздухе. Отари говорил с ним на старом горском наречии, слова которого сам почти забыл, выучив их в детстве от деда, но Чико понимал интонацию лучше, чем любой человек. Конь косился большим, влажным темным глазом, фыркал, выпуская облачка пара, и слегка переступал копытами. В этом молчаливом диалоге было больше понимания, чем во всех интервью, которые Отари давал после Олимпиады.

Теперь, сидя на веранде, Отари смотрел вниз, на тусклые огни деревни, разбросанной по склону. Они мерцали, как редкие звезды, опустившиеся на землю. Он думал о жизни, о том, как быстро меняются приоритеты и как хрупка стабильность.

Сегодня утром ему звонил Лаша, его единственный близкий друг, бронзовый призер прошлых игр, человек-праздник, весельчак и балагур. Они были полными противоположностями: Лаша — открытый, громкий, любящий внимание, Отари — закрытый, тихий, предпочитающий уходить в себя.

— Ото, ты хоть социальные сети заведи! — кричал Лаша в трубку, его голос звучал искренне и с легким упреком. — Покажи людям, кто ты! Олимпийский призёр, как никак! Люди должны видеть твои тренировки, твою жизнь, твою

боль. Это же твой бренд!

Отари тогда ответил сухо, не отрываясь от заточки тренера:

— Мои ученики знают, кто я, остальным всё равно, им нужны герои, а не люди.

Но сейчас, в этой глубокой ночной тишине, одиночество шептало ему другое, а может, Лаша прав? Может, пришло время вылезти из этой горской скорлупы, в которой он так уютно прятался последние годы? Сказать миру, что он здесь: не как статую с пьедестала, а как живого человека, который строит школу, который борется, которому нужна помощь не только финансовая, но и человеческая.

Отари морщится, чувствуя знакомое раздражение на себе. Помощь — это слово казалось ему чужим, как иностранный акцент. Он не умеет просить, не умеет выставлять свою нужду напоказ. Отец учил его другому: «Мужчина должен молчать и делать. Сила не в словах, а в деле».

Отец умер пять лет назад: внезапно, жестоко и несправедливо — инфаркт. Он упал прямо на татами во время тренировки мальчишек, которых любил больше всего на свете. Отари тогда был на сборах в другом регионе. Он даже не успел проститься, не успел услышать последний совет.

С тех пор он всё делает молча, без лишних слов. Серебро на Олимпиаде — он сделал, преодолев боль и сомнения. Школу — сделает, даже если придется продать последнее, а слова... слова он оставляет для тех, кто не умеет действовать

иначе, для тех, кто ищет смысл в громких фразах, а не в тяжелых кирпичах реального дела.

ГЛАВА 4

Ото открывает глаза ровно в пять утра, как делал это на протяжении последних пятнадцати лет. Будильник на телефоне давно разрядился и забыт в дальнем углу комнаты, но он не нужен — его биологические часы синхронизированы с ритмом гор и закалены дисциплиной профессионального спорта. Организм просыпается сам, реагируя на малейшее изменение уровня света и температуры воздуха, словно предчувствуя начало нового дня.

За окном ещё глубокая ночь. Небо затянуто тяжёлыми, свинцовыми тучами, сквозь которые едва пробиваются первые, робкие звёзды. Где-то вдалеке, за пределами деревни, одиноко и пронзительно кричит петух, этот звук разрезает ночную тишину, но не нарушает её, а лишь подчеркивает. Тишина здесь особенная — она плотная, осязаемая, почти материальная. В ней нет ни звука шагов, ни шороха ветра, ни даже собственного дыхания. Она настолько густая, что кажется, будто её можно взять в руки и разрезать острым ножом, как кусок холодного сыра.

Ото остаётся лежать ещё минуту, не поворачиваясь и не закрывая глаза. Он смотрит в потолок — это старое деревянное покрытие, доски которого со временем потемнели от времени и влажности. По потолку тянутся глубокие трещины, образовавшиеся от усадки дерева и перепадов темпера-

тур. Ото знает каждую из них на ощупь, знает их историю. Когда он был маленьким мальчиком, бегая босиком по этим самым половицам, эти трещины казались ему картой неизведанной страны, полным загадок и тайн, которые он обязательно разгадает. Он придумывал им имена, представлял, что они ведут к сокровищам или скрытым ходам. Теперь же, когда детство осталось позади, а жизнь стала проще и суровее одновременно, это просто трещины. Линии напряжения, следы времени, немые свидетели прошедших лет.

Он медленно поднимается с кровати, чувствуя лёгкую скованность в суставах, которая быстро проходит после первых движений. Одевается в тёмную футболку и спортивные штаны. Поднимается на веранду, где воздух уже начинает пахнуть утренней росой и хвоей. Умывается ледяной водой из старого медного умывальника. Вода бьёт по лицу, смывая остатки сна и нагоняя бодрость, заставляя сердце биться чуть быстрее.

На веранде его уже ждёт Чико. Конь стоит неподвижно, опустив голову, его шерсть покрыта лёгкой дымкой утреннего пара. Чико топнет копытом о землю, издавая глухой, ритмичный стук, и косится на хозяина своим большим, влажным, добрым глазом. В этом взгляде нет требования, только спокойное ожидание и доверие.

— Спокойно, друг, — тихо говорит Ото, подходя к лошади. Его голос звучит мягко, почти шёпотом, чтобы не спугнуть утреннюю тишину. Он проводит тёплой ладонью по

влажной, прохладной шее коня, чувствуя, как под пальцами бьётся пульс. — Сейчас поедem, всё будет хорошо.

Ото садится в седло. Движения отработаны до автоматизма: поправляет стремяна, проверяет поводья, делает глубокий вдох. Они выезжают за ворота, и дорога начинается. Каждое утро — один и тот же маршрут — это не случайность, а ритуал. Они поднимаются всё выше, оставляя внизу спящую деревню, и направляются к высокогорному перевалу.

Путь тернист, но знаком. Каменистая тропа ведёт сквозь заросли можжевельника, где воздух наполнен терпким, пряным ароматом. Ветер на перевале всегда силён. Он дует так резко и беспрестанно, что сбивает дыхание, заставляя тело работать на пределе, но при этом очищает разум. С вершины открывается вид на Тушети — бескрайние просторы, залитые бледным светом предзвездного неба, где горы кажутся спящими гигантами.

Ото не катается для удовольствия. Для него это не хобби и не развлечение. Он катается, чтобы голова стала чистой, чтобы суеда повседневности, тревоги и нерешённые задачи остались внизу, в долине, чтобы мысли, которые обычно скачут в голове, как испуганные зайцы, вдруг улеглись в ряд, стали упорядоченными и ясными. Скачка — это медитация в движении, способ отсечь лишнее и остаться наедине с собой.

Но сегодня что-то не так.

Ветер воет, ноги лошади стучат по камням, сердце колотится в такт, но мысли не укладываются. Они не ложатся в ровные ряды, а продолжают хаотично кружиться, цепляясь за прошлое и пугая будущим. Ото чувствует, как внутри нарастает напряжение, которое не рассеивается даже от физической нагрузки. Сегодня его разум отказывается слушаться, и единственное, что остаётся делать — это ехать дальше, надеясь, что дорога сама подскажет ответ, или хотя бы принесёт облегчение.

Спустя некоторое время, Ото подходит к ближайшему валуну, покрытому мхом и пылью, и опускается на него, чувствуя, как холодный камень проникает сквозь ткань джинсов в кости.

Он достает из кармана телефон — массивный, потертый аппарат, экран которого покрыт паутиной трещин, напоминающих старую керамику. Лаша, не раздумывая, называет его «антиквариатом», шутя, что этот телефон пережил бы любую войну, но не выдержал бы падения с лестницы. Батарея садится быстрее, чем хотелось бы, а кнопки иногда не срабатывают с первого раза, но он держится за него как за якорь, символ стабильности в мире, который слишком быстро меняется.

В его цифровом мире царит аскетизм: в телефоне нет соцсетей, игр, бесконечной ленты новостей, которая отнимает время и внимание. Только два приложения: «Звонки» и «Сообщения». Этого достаточно, чтобы оставаться на связи с ре-

альностью, не тоня в виртуальной пене.

На экране всплывает уведомление. Вчера вечером Лаша прислал ссылку. Сообщение было коротким, но настойчивым:

«Посмотри, это наше агентство. Говорят, лучшие в Тбилиси. Позвони им».

Лаша всегда верил в эффективность прямых действий, в силу контактов и репутации. Для него бизнес — это шахматная партия, где каждый ход должен быть решительным.

Ото смотрит на ссылку. Белый фон, черный текст, синяя гиперссылка. Он не нажимает на неё. Его палец замирает в воздухе, потом опускается вниз. Нажатие требует обязательства, а он пока не готов брать на себя обязательства перед незнакомцами.

Ветер усиливается, свистя в ушах, принося с собой запах сухой травы и пыли. Где-то внизу, в долинах, пасется отара овец. С этой высоты они кажутся крошечными белыми точками, дрейфующими по изумрудному склону, словно облака, опустившиеся на землю. Тишина здесь абсолютная, нарушаемая лишь далеким звоном колокольчиков и шумом ветра.

Отец говорил ему в детстве, глядя на горизонт: «Сила мужчины в молчании и деле. Слова же для женщин и поэтов». Этот принцип был встроен в него как фундамент. Молчание — это броня. Дело — это доказательство. Слова же часто оказываются пустым звуком, ветром в поле. Быть

поэтом — значит чувствовать, но не действовать, а Ото должен действовать.

Но он не поэт, и молчание не строит школы. Школа требует ресурсов, материалов, лицензий, зарплат тренерам. Школа требует денег, а деньги приходят от людей, которые должны знать, кто он, что он может предложить и почему ему можно доверять. В современном мире невидимость равносильна исчезновению, чтобы построить будущее, нужно сначала заявить о своем настоящем.

Он тяжело вздыхает, выдыхая пар в прохладный воздух. Взгляд падает на экран. Он долго держит палец на ссылке, затем нажимает *«Сохранить в заметки»*. Это маленький шаг, почти незаметный, но он уже преодолел внутреннюю стену бездействия.

«Позвоню. Завтра», — шепчет он себе под нос, проверяя слово на прочность.

Но он знает правду, которая прячется в глубине его сознания. Он не позвонит. Завтра будет завтра, а сегодня он еще не готов столкнуться с реальностью рынка. Он знает, что Лаша позвонит за него. Лаша возьмет на себя эту ношу, эту неловкость первого контакта, этот риск отказа, как всегда. Лаша будет тем, кто говорит, пока Ото будет строить.

ГЛАВА 5

Вечер опустился на долину густой, прохладной синевой, и только редкие звезды начинали пробиваться сквозь дымку от костра. В соседней деревне, где земля была более мягкой, а воздух насыщенным запахом пота и молодой энергии, мальчишки из местной секции дзюдо завершали свои изнурительные тренировки. Их было пятеро: худые, как щепки, но с мышцами, заточенными под бросок, быстрые, как ветер в ущелье, и с глазами, горящими тем самым безумным огнем, который бывает только у тех, кто голоден до борьбы больше, чем до еды. Их крики, смех и звон падающих на та-та-та тел доносились сюда, в тишину, словно эхо чужой жизни.

Ото сидел на широкой веранде своего дома, обхватив колени руками. В руках он держал сбрую — старые, потертые ремни, которые когда-то были частью конского седла, а теперь служили лишь напоминанием о былом. Он аккуратно, с пугающей для постороннего сосредоточенностью, чистил кожу специальной щеткой, удаляя засохшую грязь и пыль. Каждое движение было размеренным, ритуальным. Это было время, когда он мог быть один со своими мыслями, не требуя от себя ничего, кроме тишины.

Но тишина была иллюзией.

За километр до дома, еще до того, как показалась изви-

листая дорога, ведущая к его порогу, раздался характерный, хриплый звук. Это тарахтел старенький «Ниссан» Лаши — автомобиль, который, казалось, жил своей собственной жизнью, ругаясь каждым винтиком. Ото услышал этот звук раньше, чем увидел машину. Он не вздрогнул, но его лицо исказилось едва заметной гримасой. Это была не улыбка радости, а скорее предчувствие неизбежного неудобства. Ото знал Лашу давно и понимал: когда Лаша приезжает без предупреждения, значит, он приехал не за дружеским чаем и не просто так. Лаша всегда приходил с делом, а дело у Лаши редко было простым.

Машина, взвизгнув тормозами, остановилась прямо у ворот, подняв облако пыли. Дверь распахнулась с таким грохотом, что куры у соседа, спавшие на заборе, испуганно каркнули и спрыгнули вниз. Лаша выпрыгнул из салона, словно пружина, широко улыбаясь, его лицо сияло уверенностью человека, который знает, что он приносит людям благо.

— Ото! — крикнул он, заглушая гул двигателя. — Брат, как жизнь, как боевой дух?

Ото не поднял головы, щетка продолжала свой монотонный путь по коже.

— Нормально, — ответил он сухо, не меняя ритма.

— А школа? Как идут дела с этими юными самураями?

— Нормально.

— А деньги? — Лаша уже перешагнул порог, его голос стал громче, напористее. — Ну, скажи честно, Ото, держат-

ся?

Ото замолчал. Он продолжал тереть кожу, но движения стали чуть жестче. Лаша не стал ждать ответа и подошел ближе, взял сбрую из рук Ото, отстранился и внимательно осмотрел ее, словно оценивал товар.

— Ото, послушай меня внимательно, — начал Лаша, меняя тон на более деловой, хотя в глазах все еще плясали искры азарта. — Я нашел агентство. Ребята, брат, делают чудеса. Это не просто реклама, это магия. Одному нашему знакомому, который держал обычный фитнес-клуб, они раскрутили зал за месяц. Теперь у него очередь из клиентов, запись идет на две недели вперед. Люди платят не за спорт, они платят за эмоцию, за бренд, а у тебя есть бренд, есть своя история.

Ото наконец поднял глаза, в них не было ни искры интереса, ни желания торговаться.

— У меня не зал, Лаша. У меня школа дзюдо. Я учу детей не зарабатывать деньги, а учиться стоять на ногах.

— Какая разница? — Лаша махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Дзюдо, фитнес, йога... Для клиента это всё одно и то же. *«Спорт»*. Главное — подать это правильно.

Ото смотрел на друга долго, без улыбки, изучая его лицо. В этом взгляде читалась древняя горская мудрость: видеть суть вещей, а не их обертку.

— Разница есть, — произнес он тихо, но так, что слова прозвучали как приговор. — Я не продаю фитнес. Я не тор-

гую здоровьем ради прибыли. Я учу детей побеждать, учу их уважению, дисциплине и силе духа. Разница большая.

Лаша вздохнул, он знал этот взгляд. Он видел его сотни раз в горах, когда речь шла о чести или о земле предков. Это был взгляд упрямый, горский, непробиваемый, как скала. Лаша понял, что спорить бесполезно. Он перестал улыбаться.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе появились стальные нотки. — Тогда у тебя есть два варианта. Либо ты идешь в это агентство, платишь им и делаешь нормальную, современную рекламу, либо ты продаешь Чико и землю под домом.

Ото сжал челюсть так сильно, что на щеке выступила жилка. В воздухе повисла тяжелая, звенящая тишина.

Чико.

Его нельзя продать. Никогда. Чико подарил ему отец незадолго перед самой смертью. Отец положил руку на шею коня и сказал:

«Это тебе, сын, чтобы ты не забывал, откуда ты, чтобы помнил, что кровь требует крови, а честь — цены».

Чико был не просто животным, он был связью поколений, живым символом рода.

Земля под домом — тем более. Это было последнее, что осталось от семьи. Храм, где жили их предки, где рождались их дети, где хоронили их отцов. Продать её, значит предать память.

Ото молчал, его молчание было громче любых слов.

— Я позвоню, — произнес Ото наконец. Голос его дрогнул лишь на секунду, но Лаша это заметил.

Лаша усмехнулся. Та самая широкая, уверенная улыбка вернулась на его лицо, но теперь в ней сквозило торжество.

— Ты не позвонишь, Ото, поэтому я уже позвонил за тебя. Завтра в одиннадцать утра у нас встреча в Тбилиси. Агентство «Мегобари»³ — лучшее в регионе, адрес прислал на телефон.

Лаша встал и подошел к другу, обнял его за плечи и хлопнул по спине с такой силой, что Ото едва устоял на месте.

— Не грусти, брат. Мир меняется, нужно меняться вместе с ним.

И он ушел. Дверь захлопнулась, машина завелась и уехала, оставив после себя лишь запах бензина и эхо уходящих колес.

Ото остался один. Он долго смотрел на пустую дорогу, потом медленно перевел взгляд на двор. У старой изгороди, покрытой плющом, стоял Чико, он подошел к нему и оперся ладонями о холодное дерево, посмотрел в глаза своему старому другу.

— Что скажешь? — спросил он тихо, почти шепотом.

Чико не ответил, лишь моргнул длинными ресницами и продолжал жевать сено.

³ в переводе с грузинского означает «Друг»

ГЛАВА 6

Офис «Мегобари» находится на девятом этаже бизнес-центра в самом сердце Тбилиси. Меги знает это, потому что изучала карту города три вечера подряд, отмечая маршруты, ближайшие кофейни и аптеки на случай, если у мамы разболится спина.

Она заходит в здание ровно в 9:47. Тринадцать минут запасом — московская привычка, от которой не хочет отказываться. В Москве опоздания стоили денег и репутации. Здесь, возможно, всё иначе, но Меги не собирается рисковать.

Вестибюль встречает её прохладой кондиционеров и запахом дорогого кофе. Мраморный пол, живая зелень в огромных кадках, ресепшен из тёмного дерева. За стойкой сидит девушка с идеальной укладкой и улыбкой, которая кажется искренней.

— Доброе утро, — говорит девушка на грузинском. — Вы к кому?

— Мегобари, — отвечает Меги, поправляя лямку сумки на плече. — У меня первый рабочий день.

Девушка кивает, что-то проверяет в компьютере, затем протягивает Меги временный пропуск.

Панорамный лифт — стеклянная кабина, которая поднимается медленно и почти бесшумно. Меги входит внутрь, на-

жимает кнопку с цифрой 9. Город за стеклом начинает уходить вниз: сначала первый этаж, потом второй, третий. Чем выше она поднимается, тем больше открывается вид на Тбилиси. Крыши старых домов, купола церквей, лента Куры,гибающая среди кварталов.

У Меги захватывает дыхание от того, что этот город, этот вид, это небо теперь часть её жизни и ежедневной рутины.

Двери открываются. Она выходит в коридор с мягким ковролином и стенами цвета слоновой кости. Вдоль стен расположены чёрно-белые фотографии Тбилиси прошлого века. Старые трамваи, лица, виноградники там, где теперь стоят офисные центры.

Меги идёт по коридору, и каждый шаг отзывается внутри тихой радостью.

Отдел маркетинга располагается в открытом пространстве: большая комната с панорамными окнами, длинными столами и креслами, в которых хочется сидеть вечно. Несколько сотрудников уже на местах, кто-то пьёт кофе, кто-то смотрит в монитор.

Меги останавливается у входа, не зная, к кому подойти.

— Меги? — голос звучит сзади, мягкий и уверенный одновременно.

Она оборачивается. Перед ней стоит женщина лет сорока с короткой стрижкой и пронзительными серыми глазами. Одета в чёрный костюм, но без галстука, расстёгнутая белая рубашка, тонкая цепь на шее. Выглядит так, будто готова к

переговорам с президентом и к ужину с друзьями одновременно.

— Мари Коберидзе, — женщина протягивает руку. — Руководитель отдела маркетинга, твоя начальница, если мы друг другу подойдём.

Меги пожимает руку, твёрдо, но не агрессивно.

— Меги, очень приятно.

— Взаимно, — Мари улыбается, но глаза остаются серьёзными. — Пойдём, я покажу тебе твоё место и расскажу, как у нас всё устроено.

Рабочее место Меги расположено у окна. Стол, ноутбук, два монитора, подставка для кофе, пустая ваза для цветов или конфет, как решит сама Меги.

Мари садится напротив, на край соседнего стола, скрещивает руки на груди.

— Так, — начинает она. — «Мегобари» — это не просто рекламное агентство, это место, где мы продаём не услуги, а решения. Наши клиенты — крупные компании, медийные личности, иногда государственные проекты. Мы не работаем с маленькими бюджетами, у нас работают с амбициями.

Меги слушает внимательно, иногда кивает.

— Твой отдел — маркетинг. Вы занимаетесь стратегией, аналитикой, креативом. Отдел небольшой — семь человек, включая тебя. Все с опытом, все с характером. Твоя задача влиться и принести пользу, желательно уже в первую неделю.

Меги не удивляется, московская закалка в работе еще

успеет показать, на что способна.

— У нас сейчас несколько проектов в работе, — продолжает Мари. — Банк, сеть отелей, один спортивный бренд, но сегодня у тебя будет особенный день.

Она делает паузу, глядя в экран своего телефона, лежащего напротив нее.

— Через час у меня встреча с VIP-гостем, с Олимпийским призёром по дзюдо. Он открывает школу в Тбилиси, нуждается в пиаре и продвижении — это наш потенциальный клиент.

Меги кивает, хотя эта информация ничего ей не говорит. Спорт не её сильная сторона. Она нейтрально относится ко всем видам, но детской мечтой всегда было другое — танец, сцена, возвращение на родину. Дзюдо, борьба, олимпийские кольца — это из другой жизни.

— Но, — Мари смотрит на часы. — У меня сейчас звонок с другим клиентом, срочный, поэтому к Резо пойдёшь ты.

— К Резо?

— Мой коллега. Он отвечает за первые контакты. Покажет тебе, как мы работаем, расскажет про базу клиентов, а я заберу тебя, когда придет наш гость. Договорились?

Меги кивает.

— Договорились.

— Резо в соседнем кабинете, — Мари встаёт, поправляет пиджак. — Пройдёшь мимо лифта, потом налево. Не потеряешься.

Она уходит быстрым шагом, и Меги остаётся одна у окна.

Смотрит на город: на крыши, на горы вдалеке, на небо, по которому плывут медленные облака.

Первый рабочий день начинается не так уж и плохо, Меги улыбается солнечному лучу, упавшему на ее щеку, после чего выходит из помещения.

Кабинет Резо оказывается светлой комнатой с диваном, кофемашиной и огромной доской для заметок, исписанной разноцветными маркерами. Сам Резо — мужчина под сорок, круглолицый, с добрыми глазами и животом, который выдаёт любовь к хинкали.

— А, Меги! — он поднимается из-за стола, широко улыбается. — Мари звонила, сказала, что ты идёшь. Проходи, садись, чай, кофе, вода?

— Кофе, спасибо, — Меги садится на стул у окна.

— Чёрный? С молоком? Капучино? Латте? У нас есть сиропы, — Резо уже возится у кофемашины.

— Обычный капучино, без сиропов.

— Правильная девушка, — Резо кивает, нажимает кнопку. — Сразу видно из Москвы, там любят без сиропов.

Меги не уточняет, что в Москве любили с сиропами, но она сама предпочитала классику. Резо ей нравится — простой, тёплый, без пафоса.

Они пьют кофе. Резо рассказывает про базу клиентов, про специфику работы с грузинским бизнесом (*«здесь всё решают связи, Меги, запомни это сразу»*), про начальницу Мари

(«она строгая, но справедливая. Если перечить — сожрёт, но если показать результат — озолотит»).

Меги слушает, запоминает, иногда задаёт вопросы. Время течёт быстро.

В какой-то момент в дверь стучит девушка из отдела кадров — высокая, худая, с блокнотом в руках.

— Меги, извините, — говорит она. — Мари просила передать, что VIP-гость задерживается. Вы пока можете работать здесь, в соседнем кабинете. Там компьютер настроен, документы готовы, ключ у администратора.

Меги благодарит, прощается с Резо («заходи ещё, будем дружить») и переходит в соседний кабинет.

Там тихо, окно выходит на внутренний двор, на столе ноутбук, стопка бумаг, ручка.

Меги садится, открывает ноутбук, вводит пароль, который ей дали утром. На экране приветственное письмо от Мари.

«Добро пожаловать в команду. Жду от тебя больших побед».

Меги улыбается и начинает читать документы.

ГЛАВА 7

Ото прибывает к зданию бизнес-центра «Небо» ровно в 11:00, без минуты опоздания. Для него пунктуальность — это не просто вежливость, а способ упорядочить хаос, который всегда царит в его голове, когда он покидает привычную стихию гор.

Он не хотел надевать костюм. В его родном городе, где воздух пахнет хвоей и дымком из очагов, даже пиджак считается лишней вещью, сковывающей движения. Там носят удобную, грубоватую одежду, которая не боится грязи и ветра, но Лаша настоял:

«Ото, ты идёшь не на сеновалу. Ты идёшь в рекламное агентство, где решаются судьбы брендов. Надень приличное, чтобы они приняли тебя всерьёз, а не как туриста».

И вот, Ото стоит перед зеркалом, натягивая на себя эту чужеродную кожу. Белоснежная рубашка, жестко поглаженная, тёмно-синий пиджак, который кажется слишком тяжелым для его плеч, и строгие брюки. Он чувствует себя ряженым, словно актер на репетиции, который забыл свою роль. Каждая пуговица давит, каждый шов напоминает о том, что он здесь гость, а не хозяин.

Парковка находится глубоко под землей, в бетонном луге, где всегда пахнет бензином и сыростью. Он спускается на лифте на первый этаж, и резкий переход от полумрака

паркинга к яркому искусственному свету заставляет его прищуриться. Холл огромен, потолок теряется в высоте, а пол выложен мрамором, в котором отражаются силуэты деловых людей. У ресепшена стоит девушка с идеальной, неподвижной укладкой и улыбкой, застывшей на лице как маска. Она не смотрит прямо, но видит всё.

— Добрый день, — говорит Ото, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё сжимается. — Я Отари, у меня встреча с Мари Коберидзе.

Девушка не поднимает головы сразу, она набирает имя на клавиатуре, делает паузу, затем кивает, протягивая ему пластиковый пропуск на шнурке.

— Девятый этаж, — произносит она мелодичным, пустым голосом. — Панорамный лифт находится в конце холла, справа.

Ото берет пропуск и идет вперед. Его шаги гулко отдаются эхом в огромном пространстве, нарушая стерильную тишину. Он чувствует себя чужаком в этом блеске. Стены здесь белые, стерильные, как в операционной. Мебель дорогая, лаконичная, без души. Воздух пропитан запахом свежесваренного эспresso и дорогой косметики. Это не его мир. Здесь нет места случайностям, здесь всё отмерено, рассчитано и предсказуемо.

Наконец, он находит панорамный лифт. Двери открываются бесшумно. Ото заходит внутрь, нажимает кнопку «9». Кабина начинает подниматься. Стены лифта сделаны из

стекла, и пока он едет вверх, город вокруг начинает буквально падать вниз. Бетонные коробки зданий, сетка дорог, маленькие машинки, похожие на игрушки, люди, превращающиеся в точки.

Он не боится высоты. В горах он привык к обрывам, где земля уходит из-под ног, и только скалы помнят твой вес, но это другое: это искусственная высота. Город под ногами, а он в стеклянной коробке, парящей в воздухе, поднимается к небу. Чувство нереальное, почти космическое. Ему кажется, что он покидает землю, уходит в другую реальность, где законы физики работают иначе.

Лифт плавно останавливается и двери распахиваются.

Ото выходит в коридор, покрытый мягким ковролином, который глотает любой звук. На стенах висят черно-белые фотографии: абстрактные формы, силуэты людей, архитектурные детали Тбилиси прошлых веков. Всё выглядит дорого, стильно и абсолютно безлико. Он идет по коридору, чувствуя под ногами ту самую мягкость, которая не дает уверенности. Он ищет кабинет Мари.

Находит по табличке. Серебряные буквы на темном, лакированном дереве блестят в свете скрытых светильников:

«Мари Коберидзе. Руководитель отдела маркетинга».

Ото делает глубокий вдох, выравнивает спину, поправляет несуществующую складку на пиджаке и стучит. Два раза. Негромко, но четко.

— Войдите! — голос изнутри звучит приветливо, тепло, почти по-домашнему, что странно контрастирует с холодным фасадом двери.

Мари встречает его у входной двери, стоя в полусвете прихожей, где мягкий свет бра подчеркивает линии её лица. Она улыбается той редкой, отточенной улыбкой, которую Ото видел лишь у людей, чья профессия — управление вниманием других. Улыбка тёплая, располагающая, но в ней нет ни капли расслабленности; это не жест дружбы, а профессиональный инструмент. Её взгляд, ясный и проницательный, мгновенно сканирует его фигуру, оценивая осанку, манеру стоять, даже то, как он держит руки. Она запоминает детали, собирая мозаику из первых впечатлений, пока ещё не произнося ни слова.

— Отари? — произносит она, протягивая руку с уверенным, но не навязчивым жестом. — Мари Коберидзе. Лаша много о вас рассказывал. Для меня большая честь...

Ото пожимает её руку. Его движение выверено: крепкое рукопожатие, выражающее уважение и силу, но без лишнего нажима, без попытки доминировать. Он чувствует, как её пальцы слегка сжимают его ладонь в ответ короткий контакт, подтверждающий равенство сторон.

— Спасибо, что приняли. Я... — он замолкает на секунду, чувствуя, как голос становится чуть сухим. Слова путаются в мыслях, он подбирает их с трудом, словно ищет ключ к замку, который давно забыл. — Я не очень умею такие вещи.

Рекламу. Продвижение. Публичность. Лаша настоял, сказал, что без этого всё рухнет.

— Лаша умный человек, — соглашается Мари, лёгким жестом руки приглашая его пройти глубже, вглубь квартиры. — Проходите, садитесь. Чай? Кофе? Вода?

— Кофе, чёрный, без сахара.

— Хороший выбор.

Кабинет Мари — это отдельная история, рассказанная через интерьер. Просторное помещение, залитое естественным светом благодаря панорамному окну, которое открывает вид на весь Тбилиси: бесконечные черепичные крыши, извилистые улицы и вдали серые силуэты гор. Стол из массива тёмного дерева занимает центральное место, и на нём нет ничего лишнего. Только рабочий ноутбук, аккуратный органайзер для бумаг и прозрачный стакан с парой дорогих ручек. На стенах, вместо пустоты, висят дипломы об образовании и несколько фотографий. Ото замечает один снимок, который выделяется среди деловых портретов: Мари стоит на фоне высоких горных пиков, одетая в практичную походную одежду, с рюкзаком за плечами и она улыбается — настоящая, широкая, детская улыбка, в которой нет ни тени офисной маскировки.

— Вы любите горы? — спрашивает он, не отводя взгляда, и садится в мягкое кожаное кресло напротив неё.

— Обожаю, — отвечает Мари, плавно перемещаясь в своё кресло и складывая ноги крест-накрест. Её поза расслаблена,

но спина прямая. — Но сейчас поговорим не о горах, а о вашей школе.

Ото кивает, принимая её тон. Он берёт небольшую паузу, собирая мысли в кучу, чтобы не рассыпать их по пустому пространству между ними.

— Школа в Тбилиси. Помещение уже куплено, ремонт идёт полным ходом, но бюджет... ограничен... клиентов мало. Я умею тренировать, умею ломать стереотипы и воспитывать волю, но я не умею... — он ищет слово, хмурясь, — ...продавать. Я не умею продавать себя.

— Продавать себя, — заканчивает за него Мари. Её голос звучит спокойно, без снисходительности.

— Да.

Она смотрит на него внимательно, в упор. В её глазах нет осуждения за его некомпетентность в маркетинге, только холодный расчёт и понимание ситуации.

— Отари, я скажу вам честно. Ваша история — это именно то, что нужно людям сейчас. Олимпийский призёр возвращается на родину, открывает школу, учит детей побеждать, а не сдаваться — это продаётся само, так как бьёт в самое сердце, но без правильной упаковки, без правильного голоса — эта история просто тонет в бесконечном информационном шуме, где кричат все подряд.

Ото слушает. Он не перебивает, не пытается оправдаться или задать вопрос. Он просто впитывает каждое слово, чувствуя, как внутри него, там, где сидел ком тревоги, начинает

медленно отступать напряжение.

— Мы не будем делать из вас клоуна, — продолжает Мари, и её голос становится чуть строже, подчеркивая важность сказанного. — Никаких танцев в TikTok, никаких дурацких челленджей, никаких дешёвых трюков ради просмотров. Мы сделаем ставку на достоинство, на ваше имя, вашу репутацию, которую вы построили годами упорного труда. В Грузии, в нашем менталитете, это ценится гораздо выше, чем временный, пустой хайп. Люди устали от шума, они хотят уважения.

Ото чувствует, как внутри него происходит тихий, но ощутимый сдвиг. Он понимает. Она не предлагает ему играть по чужим, навязанным правилам интернета. Она предлагает сохранить его суть, его лицо, его историю, просто обернув её в форму, которую мир сможет увидеть и оценить.

Воздух в комнате вдруг становится легче, словно кто-то открутил тугую гайку на сердце. Ото чувствует, как с плеч сползает тяжелая, невидимая броня. Напряжение, которое он носил в себе месяцами — смесь упрямства, гордости и осторожности, — медленно растворяется, уступая место странному, щекочущему чувству надежды. Он понимает суть происходящего без лишних слов: здесь нет места чужим, навязанным правилам или сценариям, которые не принадлежат ему. Здесь говорят на его языке — языке дела, а не пустых обещаний.

— Что вы от меня хотите? — спрашивает он, и в его голо-

се звучит не агрессия, а усталая, но твердая необходимость прояснить границы.

Мари не отводит взгляда. Ее голос звучит спокойно, уверенно, без той приторной слащавости, которая часто сопровождает подобные предложения.

— Мы хотим времени, — начинает она, делая паузу, чтобы каждое слово успело осесть в сознании собеседника. — Нам нужно ваше лицо, ваша история. Не сухая биография из спортивных сводок, а живой портрет человека. Мы хотим рассказать людям, кто вы на самом деле. Не просто «серебряный призер» с медалью на груди, а человек, который своими руками строит будущее для грузинских детей. Тот, кто верит, что спорт может изменить судьбу, а не только улучшить статистику, и для этого нам нужно работать вместе, рука об руку, шаг за шагом.

Ото молча поворачивается к окну. За стеклом раскинулся Тбилиси, в этот раз затянутый тяжелой, свинцовой пеленой туч. Город выглядит усталым, погруженным в свои мысли. Ото чувствует, как в старом колене, где когда-то была серьезная травма, начинается знакомая, ноющая пульсация. Это его личный барометр: перед дождем суставы всегда напоминают о себе. Дождь собирается, и он чувствует это кожей.

— Я не люблю говорить о себе, — произносит он тихо, почти шепотом, глядя на отражение собственного лица в темном стекле. Это не отказ, а констатация факта: его жизнь

слишком сложна, чтобы стать развлечением для телеэкрана.

Мари слегка улыбается, эта улыбка не насмешлива, а полна понимания и даже некоторой теплоты.

— Я знаю, — отвечает она мягко. — Лаша предупредил меня. Он сказал, что вы цените действия больше, чем слова, поэтому говорить буду я. Вы не будете выступать, не будете искать правильные фразы. Вы будете просто жить своей жизнью, а мы будем бережно, честно и красиво показывать эту жизнь зрителям, без постановки и лжи.

Ото задумался. Минута тянется долго, наполненная тишиной и звуками дождя, который наконец-то начинает барабанить по стеклу. Он смотрит на свою руку, на шрамы, на следы борьбы, потом медленно, едва заметно, кивает.

— Хорошо, — соглашается он. — Давайте попробуем.

Мари встает со стула, выпрямляется и протягивает руку. Жест уверенный, равноправный.

— Договорились. Я назначу ответственного за ваш проект — человека, который будет рядом, но не будет мешать. Познакомьтесь с ним, как можно скорее.

Ото снова сжимает ее ладонь. Рукопожатие крепкое, сухое, мужское. Он поднимается с места, чувствуя, как ноги уверенно держат вес тела.

— Я буду ждать, — говорит он, и в этих двух словах звучит вся его решимость. — Однако школа не может ждать, дети не могут ждать, каждый день промедления — это упущенный шанс.

— Мы берем все риски на себя, — обещает Мари, проводя его к выходу. Ее шаги легки, но шаг за шагом она идет рядом, сопровождая его не только физически, но и морально. — Я позвоню, как всё будет готово, как только первые кадры лягут в основу.

Ото выходит в длинный, светлый коридор. Эхо его шагов гулко отражается от стен. Он проходит мимо панорамного лифта, который медленно поднимается вверх. За прозрачным стеклом кабины открывается вид на Тбилиси: город серый, мокрый, накрытый низкими тучами. Но среди этой серости Ото замечает яркие пятна крыш, зелени и огней, которые уже начинают зажигаться в преддверии вечера. Он делает глубокий вдох и идет дальше, оставляя за спиной сомнения, направляясь к новому, еще не известному ему, но неизбежному завтра.

Меги сидит в соседнем кабинете уже около часа.

Она изучила документы, которые оставил для неё Резо, сделала пометки в блокноте, выпила ещё одну чашку кофе и теперь чувствует, как глаза начинают слипаться. Не от усталости, а от тишины. В этом кабинете слишком тихо. Закрытое окно, мягкий ковролин, никакой музыки. Только мерное гудение кондиционера.

Она откидывается на спинку кресла, трёт переносицу, за окном темнеет.

Не так, как темнеет вечером — быстро, резко, будто кто-

то выключил свет. Меги поворачивает голову к окну и видит: тучи — тяжёлые, свинцовые, они накрывают Тбилиси, как одеяло. Где-то далеко сверкает молния, без звука, только белая вспышка на сером небе.

Меги с интересом встаёт и подходит к окну.

Внутренний двор, куда выходит её кабинет, обычно оживлённый, сотрудники курят под козырьком, курьеры привозят заказы, кто-то выгуливает собак. Сейчас там ни души и через секунду начинается дождь.

Меги видит, как это происходит.

Сначала редкие капли — жирные, тяжёлые. Они оставляют тёмные точки на сером асфальте, потом чаще, и вот уже через мгновение становится как стена.

Двор заливает за минуту. Вода течёт по жестяным козырькам, собирается в лужи, отражает тёмное небо. Дождь барабанит по крышам припаркованных машин, по ступеням, по стёклам.

Меги прижимает ладонь к холодному стеклу. От касания по коже пробегает легкая дрожь, но она не отдергивает руку, словно пытаясь через этот ледяной барьер уловить что-то большее, чем просто температуру. Внутри кабинета кондиционер продолжает монотонно гудеть, нагнетая искусственный холод и создавая фоновый шум, который отделяет её от внешнего мира. Однако в тишине, которую она сама себе создает, ей начинает казаться, что воздух за окном стал иным. Она чувствует запах дождя — тот самый, первоздан-

ный, свежий и чистый запах, смешанный с тяжелым ароматом мокрой земли и едким, терпким дымом нагретого асфальта. Этот аромат проникает сквозь герметичные рамы, напоминая о жизни, которая существует вне стен офиса.

Меги опускает взгляд вниз, на улицу, скрытую завесой серых струй. Люди, как муравьи, разбежались по подъездам, прячась под нависающими козырьками или в узких нишах входных групп. Двор кажется вымершим, пустым, лишенным привычной суеты. Только вода льется неумолимо, смывая пыль и грязь, а ветер, разыгравшись, гонит обрывки газет и мусор по лужам, заставляя их кружить в водоворотах.

Она уже готова отвернуться. Уже хочет вернуться к своим обязанностям: к бесконечным стопкам документов, к скучным, однообразным таблицам Excel, к первому рабочему дню, который пока не принес ничего, кроме физической и эмоциональной усталости, оседающей в костях, но в этот миг её внимание, словно магнитом, притягивает нечто, выделяющееся из общей серой массы.

В этот момент она замечает машину.

Это черный седан. Он не выглядит новым — кузов несет на себе следы времени, но при этом виден тщательный уход: лак блестит даже в пасмурный день, линии кузова идеальны. Машина стоит у самого выхода из бизнес-центра, под широким козырьком, куда дождь почти не достает, оставляя вокруг себя сухой островок спокойствия.

И рядом с ней появляется человек.

Молодой парень. Даже с высоты девятого этажа, где перспектива сжимает фигуры, видно, что он высокий. Широкие плечи, мощная, спортивная спина, уверенная осанка — всё это выдает человека, привыкшего держать себя в форме и в контроле. Он стоит у водительской двери, не спеша, без лишней суеты.

Он не бежит под проливным дождем, пытаясь добраться до машины быстрее других. Он не ищет укрытия, не прикрывает голову портфелем или газетой. Он просто стоит и смотрит куда-то в сторону, возможно, на небо, возможно, на свои мысли, а затем медленно, с достоинством открывает дверь и садится внутрь.

В его движениях нет ни суеты, ни паники, ни раздражения от непогоды. Всё происходит плавно и размеренно, как будто дождя вообще не существует. Как будто мир вокруг него течет своей обычной, шумной жизнью, а он находится отдельно от неё, в своем собственном ритме, в своем пузыре комфорта и контроля.

Меги не видит его лица, стекло не дает четкости, да и угол зрения слишком косой. Она видит только силуэт: темные короткие волосы, линию плеч, темную ткань костюма и этот спокойный, почти равнодушный жест: рука ложится на холодную дверную ручку, секунда задержки, пауза, наполненная смыслом, а затем плавное, уверенное движение внутрь салона.

Машина заводится. Тихий, ровный гул двигателя проби-

вається сквозь шум дождя. Фары на секунду вспыхивают ярким светом, освещая мокрый, блестящий асфальт, превращая капли воды в миллионы искр. Потом седан медленно выезжает из-под козырька, плавно пересекает пустой двор и исчезает за поворотом, оставив после себя лишь влажный след на дороге.

Дождь не стихает. Он продолжается, смывая всё на своем пути, но картина этого момента, этого спокойствия посреди хаоса, уже запечатлелась в памяти Меги.

Меги стоит у окна ещё минуту, не в силах оторваться от холодной стеклянной преграды. За стеклом пустой, вымытый дождём двор, серый и безликий, словно кадр из чёрно-белого фильма. Капли стучат по подоконнику ритмично, почти навязчиво, наполняя тишину кабинета звуком, который одновременно и успокаивает, и тревожит.

Она думает о том, как странно, запутанно и несправедливо устроена жизнь. Как мало значит формальное присутствие и как много случайный взгляд, брошенный наугад.

Ты сидишь в своём кабинете, в своём новом городе, на своей новой работе. Ты пытаешься быть профессионалом, быть частью системы, но здесь, в этой стеклянной коробке, ты чувствуешь себя чужим. Ты смотришь в окно, идёт дождь, смывая грязь улиц, но не очищая мыслей, а внизу, среди серой массы машин, кто-то садится в автомобиль. Дверь захлопывается с глухим стуком. Ты видишь только его спину — напряжённую, прямую, закрытую от тебя навсегда, и по-

чему-то, несмотря на всю абсурдность этого момента, ты запоминаешь эту спину. Запоминаешь изгиб плеч, то, как он поправляет воротник, как ставит ногу на асфальт, и почему-то думаешь о нём ещё несколько минут, пока рабочий день только начинается.

Наверное, потому, что спины честнее лиц.

Лица — это театр, маска, которую мы надеваем каждое утро перед зеркалом. Улыбку можно надеть, как перчатки, скрывая усталость или злобу. Глаза можно научить врать, сделать их широкими от удивления или влажными от слез, когда внутри всё замерзло, но спина никогда не врёт. Спина не умеет притворяться, в ней всегда видна усталость, которая не хочет признаваться даже самому носителю. Видна гордость, которая держит позвоночник прямым, даже когда колени дрожат. Видна привычка нести тяжесть, даже когда никто не смотрит, когда нет аплодисментов и нет зрителей. Спина рассказывает историю того, как человек живет, а не того, кем он хочет казаться.

Меги не знает этого парня, не знает, кто он, чем занимается, куда едет под этим проливным дождём. Возможно, он идет на встречу, которая изменит его жизнь, а возможно просто возвращается домой к пустым стенам, но почему-то ей кажется, что он не из тех, кто жалуется на судьбу, не из тех, кто бежит от реальности, пытаясь убежать от самого себя. Он из тех, кто идёт медленно, твердо, шаг за шагом, даже когда мир заливают водой, размывая границы и лишая ори-

ентиров. В его позе есть какая-то странная, недоступная ей уверенность.

Она резко отворачивается от окна, разрывая связь с внешним миром. Садится за стол, чувствуя, как холод стекла еще ощущается на ладонях. Берёт ручку, но стержень зависает над бумагой, не касаясь её.

Дождь за окном усиливается, превращаясь в сплошную белую пелену. Эмми, наверное, сейчас спит на новой лежанке, свернувшись калачиком, грея себя своим теплом, не подозревая о тревогах хозяйки. Собака — единственное существо в этом доме, которое живет настоящим моментом.

А Меги смотрит в монитор, где мигает курсор, и не видит ни одной строчки. Слова рассыпаются, теряют смысл, превращаются в бессмысленный набор букв.

ГЛАВА 8

Проходит неделя. Семь дней, семь ночей, семь пробуждений и каждый раз мир кажется чуть более ясным, чуть более понятным.

Меги просыпается в своей новой квартире, и впервые за долгое время ей не хочется судорожно тянуться к телефону, чтобы отложить неизбежное и нажать на кнопку повтора будильника. Это странное, почти детское чувство: отсутствие внутренней борьбы с реальностью. Она медленно открывает глаза, позволяя зрению адаптироваться к полумраку комнаты. Взгляд скользит по потолку, украшенному скрытой диодной подсветкой, которая еще не активировалась, ожидая своего часа. За окном царит та особая, тихая магия предрасветных часов — небо окрашено в оттенки мягкой лаванды и пепельно-серого, а город еще не проснулся окончательно. В этой тишине Меги чувствует внутри легкое, почти забытое волнение.

Ей хочется на работу.

Не потому, что надо, не потому что дедлайны горят или потому что так принято в современном мире. В Москве она тоже любила свою работу, но та любовь была сложной, запутанной, с привкусом тяжелой обязанности. Там звучали жесткие императивы: *«Надо»*, *«Нужно»*, *«Я должна»*. Это работа на износ, где каждая победа требует жертвы в виде

сна, здоровья или личного времени. Здесь же, в этом новом ритме, всё иначе. Разница тонкая, едва уловимая для постороннего, но для Меги она ощутима как воздух после долгого нахождения в душном помещении. Она чувствует эту разницу каждое утро, когда стоит на длинном балконе, держа в руках горячую чашку кофе. Пар поднимается вверх, смешиваясь с утренней прохладой. Она смотрит на старый город, чьи башни и черепичные крыши вырисовываются в тумане, и слушает знакомый звук: Эмми, её верная собака, возится в своей лежанке, периодически вздыхая во сне. Этот уютный шум наполняет сердце спокойствием.

Первая неделя в «Мегобари» пролетела как один день. Время здесь течет иначе — не линейно и не торопливо, а глубже, насыщеннее.

Она познакомилась с командой: семеро маркетологов, каждый из которых является целым миром. Все они разные, со своими уникальными характерами, манерами речи и рабочими привычками, но вместе они образуют единый, живой организм.

Нино — вечно недовольная, с хмурым взглядом и скрещенными руками, но гениальная в цифрах. Она видит паттерны там, где другие видят хаос, и её интуиция в анализе данных бьет точнее любого программного обеспечения. Дато — балагур, душа компании и вечный двигатель офисной жизни. Он приносит хинкали на обед, щедрыми порциями угощая всех вокруг, и его смех заражает так же быстро, как и

запах свежего теста, с ним легко, с ним тепло. Эка — тихая, незаметная на первый взгляд, словно тень в углу кабинета, но стоит ей передать свои отчеты Мари, как старший менеджер называет их «эталонном». В этой тишине Эки скрывается невероятная концентрация и точность, которую невозможно подделать.

Меги влилась в этот коллектив быстро и естественно. Не пыталась казаться кем-то другим, не строила из себя лидера или жертву обстоятельств. В Москве она научилась одному важному, жизненно необходимому делу — не пытаться нравиться всем. Пытаться угодить каждому, значит размыться, потерять себя и в итоге не угодить никому. Здесь она поняла: достаточно просто делать свою работу хорошо, честно и с душой, и тогда нужные люди потянутся сами, притягиваемые этой искренностью и профессионализмом.

Уже через три дня Мари сказала ей после планового совещания:

— Меги, проект с банком твой, справишься?

— Справлюсь.

— Даже не сомневаюсь.

Меги взялась за банк с головой. Сегментация аудитории, анализ конкурентов, новая стратегия продвижения. К пятнице у неё был готов план, который одобрили без правок. В Москве такое случалось раз в полгода.

Она выходит из душа, вытирает волосы полотенцем, смотрит в зеркало. Зелёные глаза, россыпь родинок на плечах,

загорелая кожа — сентябрьское солнце Грузии уже сделало своё дело. Короткие волосы, чуть ниже подбородка, сами укладываются волнами после мытья.

Эмми трётся о её ноги, требует внимания.

— Сейчас, маленькая, — Меги наклоняется, чешет йорка за ухом. — Сегодня важный день.

В офисе началось оживление.

Меги заходит в открытое пространство, и сразу чувствует: что-то происходит. Нино мерит шагами комнату, Дато что-то быстро печатает в телефоне, улыбаясь во весь рот.

— Ты чего? — спрашивает Меги, ставя сумку на стол.

— Мари собирает всех через пять минут, — говорит Нино, даже не оборачиваясь. — Говорит, важное объявление.

Меги садится, включает ноутбук. За пять минут успевает проверить почту, ответить на два письма и сделать глоток кофе, который остыл ещё по дороге, она забыла его в машине.

Ровно в 10:00 Мари выходит из своего кабинета. Сегодня она в бежевом костюме, волосы собраны в низкий хвост. Выглядит строго, но в глазах какой-то огонёк.

— Всем внимание, — говорит она, и открытое пространство затихает. — У нас есть возможность отправить четырёх человек в командировку в конце недели в Гонио. Поедете с пятницы по воскресенье.

Дато присвистнул.

— Гонио? В сентябре? Мари, вы шутите?

— Не шучу, — Мари улыбается. — Наш клиент, сеть оте-

лей «Колхида», проводит инспекционный визит. Они хотят, чтобы мы оценили новый отель на берегу. Посмотрели, как работает персонал, какие есть точки роста. Ну и... отдохнули заодно. Сезон бархатный, в море ещё можно купаться.

Меги чувствует, как внутри поднимается волна радости. Гонио. Море. Сентябрь.

— Поедут: Нино, Дато, Эка и Меги, — Мари смотрит на неё. — Ты как, не против?

— Конечно нет, — Меги улыбается. — Я только за...

— Отлично. Выезжаете в пятницу утром, бронируйте билеты, отель оплачивает клиент.

Мари уходит в свой кабинет. Открытое пространство взрывается гулом голосов. Дато уже обсуждает с Экой, какой пляж лучше. Нино что-то бубнит про рабочие задачи.

А Меги смотрит в окно. Там Тбилиси, серый от лёгкой дымки, солнце пробивается сквозь облака.

Гонио. Она не была там давно, ещё школьницей, когда прилетала с мамой на лето. Сейчас всё иначе: она едет не как турист, едет работать... но море — оно остаётся морем.

Вечерняя тишина в спальне нарушена лишь тихим шелестом ткани и приглушенным светом настольной лампы, отбрасывающим длинные тени на стены. Меги стояла посреди комнаты, застыв в позе задумчивой статуи, и пристально смотрела на открытый чемодан, лежащий на полу. Внутри него, словно осколки новой жизни, уже лежали первые вещи

— символы грядущих перемен.

Эмми, её верная спутница и невидимый свидетель всех перипетий, сидела на краю кровати. Собака внимательно, почти с напряженным интересом, наблюдала за каждым движением хозяйки, улавливая каждое изменение в интонации и настроении.

— Ну что, маленькая, — голос Меги прозвучал мягко, но с той определенной ноткой решительности, которая обычно предшествовала важным решениям. Она медленно подошла к шкафу, открывая его створку. — Поможешь выбрать?

Эмми чихнула, коротко и резко. Меги не сомневалась ни секунды: для неё это было однозначным согласием. В их сложившемся тандеме даже собачьи рефлексy могли служить индикатором одобрения.

Она начала перебирать летние платья, доставая их из глубины гардероба. В Москве она почти не носила платья. Это была часть её профессионального панциря: только по праздникам, только на выступления диаспоры, где требовалось выглядеть достойно. В офисе царила диктатура строгой деловой одежды: брючные костюмы, скрупулезно отглаженные блузы, туфли на высоком каблуке, от которых ныли ноги, но которые подчеркивали статус «успешной девочки». Это была униформа, защищавшая от хаоса и требовательности.

Здесь, в Грузии, всё иначе. Здесь время течет медленнее, а пространство позволяет дышать полной грудью.

Вначале месяца она купила три новых платья. Они были

легкими, как облака, летящими, словно созданными для ветра, и сшитыми из натуральных тканей, которые приятно касались кожи. Одно — льняное, цвета слоновой кости, простое и элегантное. Второе — нежно-голубое, в пол, с открытой спиной, которое подчеркивало изгибы и напоминало о лазури Черного моря. Третье — короткое, яркое, желтое, под цвет южного солнца, которое казалось здесь ближе и добрее.

Меги достаёт их из шкафа, аккуратно раскладывая на кровати, создавая пеструю мозаику будущих воспоминаний. Эмми тут же забирается в голубое платье, сворачивается калачиком и уткнулась носом в мягкую ткань, словно оценивая качество материала.

— Эй, это моё, — смеется Меги, глядя на смешную картину. Она осторожно вынимает собаку, которая неохотно поддалась, но не без протеста. — У тебя своя лежанка, Эмми, не путай свои вещи с человеческими.

Эмми обиженно фыркает, поворачивается спиной и перебирается на подушку, занимая там стратегически важную позицию.

Меги продолжает собирать, методично и с удовольствием. Купальник — новый, тёмно-зелёный, точно под цвет её глаз, в которых теперь отражается не офисный стресс, а ожидание отдыха. Парео с этническим узором. Удобные сандалии, готовые принять тепло камней. Соломенную шляпу — давно хотела, в Москве таких не носила: слишком ярко, слишком неформально для деловой среды. Здесь же, в этом ритме, она

в самый раз. Аксессуар, который говорит о том, что ты разрешила себе расслабиться.

Она останавливается, смотрит на разложенные вещи, и её взгляд становится задумчивым.

Сентябрь в Грузии — это бархатный сезон. Море еще теплое, сохранившее летнее солнце, а воздух уже свеж, не жжет кожу, как в июле. Люди спокойные, размеренные, и еще очень много свадеб. В сентябре играют самые красивые, самые душевные грузинские свадьбы. Меги помнит с детства: мама водила её смотреть на наряды, на сложные танцы, на белые лимузины, которые тянулись вереницей по улицам Тбилиси. Тогда, в детстве, она мечтала о своей свадьбе, о длинном платье, и о танце, который не закончится никогда.

Она и сейчас мечтает, просто не говорит никому об этом вслух. Эти мечты стали тихими, внутренними, похожими на тот же льняной свет: ненавязчивыми, но вечными.

Она закрывает чемодан. Щелчок замка звучит как точка в предыдущей главе. Садится на кровать, берет телефон. Экран загораживается светом сообщений.

Нино пишет в общий рабочий чат:

«Девочки, в Гонио есть отличный грузинский ресторан под открытым небом, там и потанцевать можно. Я уже договорилась со знакомыми, в субботу вечером идём. Будет весело!»

Меги улыбается. Эта улыбка достигает глаз, смягчая черты лица. Набирает в ответ короткое, но уверенное сообще-

ние:

«Я с вами».

Первая командировка. Новая работа. Новая жизнь. Гонио ждёт.

ГЛАВА 9

— Я не поеду в Гонио!

Голос Ото прозвучал глухо, почти сливаясь с тихим шелестом вечернего ветра, который ласкал старые доски веранды. Он сидел на привычном месте, в глубоком кресле, обитом потёртым бархатом, и смотрел вдаль. Тушети встречало его знакомым, почти священным спокойствием. Вечер опускался на долину медленно и величественно, солнце, уже почти коснувшись острых хребтов, окрасило небо в невероятные, почти нереальные оттенки. Розовый переходил в лавандовый, тот в глубокий, насыщенный фиолетовый, такой густой и чистый, что в сером, задымлённом городе его никогда не увидишь. Здесь, на высоте, воздух был прозрачным, а тени падали чёткими и длинными, подчеркивая каждую трещину на камнях и каждую складку на лицах людей.

Чико стоял у низкой каменной изгороди. Лошадь жевала сухое, ароматное сено, издавая характерное хрустящее звучание, но его взгляд, тяжёлый и умный, периодически скользил по спине хозяина. Он не вилял хвостом, не требовал внимания; он просто наблюдал, улавливая малейшие изменения в напряжении мышц Ото.

Лаша сидел напротив, на низком, старом табурете из грубого дуба, который помнил ещё отца Ото, а тот, в свою очередь, помнил своего деда. Дерево было гладким от времени

и рук, но всё ещё крепким. В руках Лаши лежали два бумажных билета. Они казались неуместно яркими на фоне приглушённых тонов вечера: тёмно-синий фон, белые буквы, чёткие линии маршрута. Тбилиси — Батуми, с обязательной пересадкой на тесную, шумную маршрутку до Гонио.

— Ото, — Лаша произнёс имя тихо, но в этом шёпоте чувствовалась сталь. Его голос был спокоен, ровен, но в нём звучало упрямство, которое Ото знал с самого детства, с тех пор как они впервые взяли в руки пояса. — Билеты уже взяты, они невозвратные.

Ото не ответил сразу, медленно перевёл взгляд с горизонта на брата.

— Ты потратил деньги, не спросив меня.

Лаша чуть приподнял бровь, его губы дрогнули в едва заметной усмешке, которая не была насмешливой, а скорее констатировала факт.

— А ты бы согласился, если бы я спросил?

Ото замолчал. Лаша был прав, как и всегда, в таких ситуациях. Если бы Лаша задал этот вопрос прямо, ответ Ото был бы заранее предreshён. Он сказал бы «нет». Так же, как говорил «нет» на все предложения, которые не вписывались в его узкий, отточенный мир тренировок, дзюдо и академической школы. Он не любил праздники, ему казалось, что это пустая трата времени, шумная имитация жизни. Он не любил толпу, не любил гул голосов, когда все говорят одновременно, перекрикивая друг друга. Не любил музыку, которая

гремил так, что заглушает собственный внутренний монолог, и не давал сосредоточиться. Для Ото тишина была странством для мысли, а шум — хаосом, который нужно избегать любой ценой.

Лаша вздохнул, этот звук был тяжёлым, полным сдерживаемого раздражения и, возможно, усталости. Он положил билеты на деревянные перила веранды, словно кладя их на алтарь некоего неизбежного решения. Затем он достал из кармана джинсовок смартфон, экран которого ярко вспыхнул в сумерках. Лаша повернул устройство так, чтобы Ото мог увидеть фотографию.

На снимке запечатлён момент, который казался вырванным из другого времени. Молодой парень в белом дзюдоги, с лицом, искажённым усмешкой, обнимал двух мальчишек: Ото, Лаша, Георгий.

Георгий, который никогда не был сильным борцом. У него не было той взрывной силы, того хищного взгляда, который есть у Ото, или того стального упорства, которое проявлял Лаша. Георгий проигрывал схватку за схваткой. Его часто бросали на татами, иногда слишком резко, иногда больно, но он никогда не жаловался: ни судье, ни тренеру, ни друзьям. Он всегда улыбался той самой мягкой, искренней улыбкой, которая могла успокоить даже самого агрессивного соперника. После каждой проигрышной схватки он поднимался, отряхивал колени и говорил: *«В следующий раз получится»*, и он верил в это.

Через два года Георгий ушёл из дзюдо. Он понял, что этот спорт не его путь, что его душа лежит не в борьбе, а в чём-то другом, более земном и простом, но дружбу, рождённую на татами, они сохранили. Она стала крепче, чем любые спортивные связи.

Георгий работал водителем в Тбилиси, возил грузы, видел городскую суету изнутри, но раз в месяц, независимо от погоды и усталости, он приезжал в горы. Привозил продукты, которые здесь были дефицитом или стоили космических денег, помогал по хозяйству: чинил крышу, рубил дрова, чинил старые инструменты. Он был тем связующим звеном, тем мостом, который держал их связь с большим, шумным миром. Без Георгия Ото и Лаша могли бы окончательно раствориться в своей горной изоляции, стать легендами, о которых никто не знает.

— Он женится в субботу, — продолжает Лаша, ломая паузу. Его голос стал мягче, в нём появилась та нотка теплоты, которую Ото редко слышал в адрес брата. — В Гонио... невеста оттуда, из местного города. Свадьба на берегу, у моря. Он звал нас обоих, при чем лично звал.

Лаша кивнул, подтверждая свои слова.

— Лаша, — Ото трёт переносицу. — У меня школа, ремонт, подрядчики. Встреча в рекламном агентстве.

— И что? Ты уже сходил на встречу. Теперь твоя очередь ждать, что они придумают, а пока поехали. Отдохнёшь, море увидишь, людей нормальных увидишь.

— Я не люблю людей.

— Я знаю, поэтому поедешь со мной. Я буду твоим щитом от людей.

Лаша улыбается. Ото смотрит на него долго, без улыбки, но внутри сдаётся. Не потому, что Лаша убедил, а потому, что Георгий — тот, кто поднимал их, когда они падали, тот, кто никогда не жаловался, тот, кто заслужил, чтобы его друзья были рядом в самый важный день.

— Когда выезжаем? — спрашивает Ото тихо.

Лаша вскакивает с табурета, хлопает в ладоши.

— В пятницу утром. Поезд в 8:00 до Батуми, потом маршрутка до Гонио. Успеем к вечеру, свадьба в субботу, а в воскресенье вечером обратно.

— Всего два дня?

— А что тебе, месяц нужен? — Лаша смеётся. — Два дня. Море, вино, тосты, танцы. Потом вернёшься в свои горы и будешь строить школу дальше.

Ото смотрит на билеты. Два тонких прямоугольника бумаги, которые решают за него.

— Хорошо, — говорит он. — Поедем.

Лаша хлопает его по плечу, что-то радостно кричит, идёт звонить Георгию. Ото остаётся на веранде один.

Чико поворачивает голову, смотрит на хозяина тёмным глазом.

— Что смотришь? — Ото усмехается. — Боишься, без тебя пропаду?

Чико фыркает, отворачивается.

Ото смотрит на закат: горы темнеют, звёзды начинают загораться одна за другой. Внизу, в деревне, зажигаются окна.

Он не был на море три года, не был на свадьбах уже больше пяти лет. Не любит шум, толпу, чужих людей, но для Георгия он сделал исключение.

— Ладно, — говорит он тихо, сам себе. — Два дня... переживу.

Он встаёт, идёт в дом. Достает из шкафа старую спортивную сумку. Кладёт туда джинсы, футболку, вторую, на дно — купальные шорты, которые не надевал три года.

Отец говорил: *«Жизнь поворачивается неожиданно»*. Ото всегда думал, что отец имел в виду спорт, схватки, травмы, но отец, возможно, говорил о другом.

ГЛАВА 10

Поезд «Тбилиси — Батуми», уверенно набирающий ход, отходит ровно в 8:00 утра. Раннее утро, характерное для грузинских дорог: воздух еще прохладен, но уже пахнет пылью, специями и далеким морем. Меги сидит у окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу, рядом с ней уютно устроилась Эка, напротив Нино и Дато. Внизу, под мягкими кожаными сиденьями, аккуратно разместились чемоданы, заняв последнее свободное пространство в купе. Перед самым отправлением Эмми, маленькая и пушистая, осталась дома с мамой, Меги не смогла просто так уйти, она пять раз целовала влажную носовую мордочку девочки, шепча ей на ухо обещания вернуться скоро и привезти много вкусностей.

— Ты волнуешься? — спрашивает Эка тихо, едва заметно касаясь плеча подруги своим взглядом.

— Нет, — отвечает Меги, и даже сама слышит, как голос звучит слишком твердо, слишком уверенно. Она врёт. Безусловно, волнуется, но не потому, что боится предстоящего клиента или сложной задачи. В Москве она успешно общалась с людьми, чьи бюджеты были в десять раз больше текущего проекта, где деньги решали всё быстрее, чем слова. Здесь же ситуация иная. Она волнуется потому, что это её первая командировка на новой работе, в совершенно новой стране, в новой жизни, где пока нет ни привычных маршру-

тов, ни знакомых лиц, ни ощущения контроля над ситуацией.

Дато, обладатель бесконечного запаса энергии и обаяния, уже успел познакомиться с соседями по купе — пожилой парой, которая едет в Батуми навстречу внукам. Он рассказывает им смешные анекдоты на грузинском, используя богатую мимику и жесты. Женщина смеётся звонко и искренне, закрывая рот рукой, а мужчина кивает с серьезным, сосредоточенным лицом, словно анализирует философский подтекст шутки, хотя на самом деле просто вежливо поддерживает беседу.

Нино, свернувшись калачиком в углу, читает что-то в телефоне, хмуря брови и морща лоб. Она категорически не любит разговаривать по утрам, когда мозг еще не проснулся, и днём тоже не очень, она предпочитает тишину и концентрацию. Меги уже привыкла к этому её настроению, не воспринимая его как холодность, а скорее как особенность личности, требующую уважения личного пространства.

Поезд стучит колёсами ритмично, монотонно, убаюкивая пассажиров. За окном проплывает живописная панорама: широкая равнина, ухоженные виноградники, редкие деревушки с красными черепичными крышами, где жизнь течет размеренно и спокойно. Тбилиси остаётся далеко позади, и вместе с ним уходят в прошлое городская суета, вечные пробки на проспекте Руставели, бесконечные встречи в стеклянных офисах и шум мегаполиса.

— Часа через три будем на месте, — объявляет Дато, возвращаясь к компании с сияющим лицом. — Я уже заранее заказал столик в ресторане на завтрашний вечер: у самого моря, с видом на закат, отметим первый день красиво!

— Мы не отдыхать едем, — сухо режет Нино, не поднимая головы от экрана телефона, где, вероятно, летят важные рабочие письма.

— Работаем и отдыхаем, — парирует Дато, не обижаясь. — Это называется корпоративный баланс. Я статью читал, это важно для продуктивности: без хорошего отдыха нет хорошей работы.

Меги улыбается, чувствуя, как внутри расцветает легкое тепло. В Москве такого не было: командировки означали серый офис в другом городе, изматывающие переговоры до полуночи, сухие завтраки в аэропортах и никаких «столиков у моря» с бокалом вина. Там всё строго, функционально и безлико.

Она снова смотрит в окно: небо сегодня чистое, пронзительно голубое, солнце уже припекает, пробиваясь сквозь стекла купе.

Гонио встречает их густым, обволакивающим ароматом влажного песка, соленой морской пены и резкого, бодрящего запаха йода. Воздух здесь кажется тяжелее и насыщеннее, чем в Тбилиси, пропитанный испарениями Черного моря, которое вдали сливалось с небом в единую голубую горизонталь.

Отель «Колхида Палас» возвышается перед ними как олицетворение роскоши и спокойствия — пятизвездочное учреждение, чье белоснежное здание выдержано в строгой, но элегантной линии современной архитектуры. Однако архитекторы не стали отказываться от корней: фасад щедро украшен элементами грузинского декора. Массивные колонны поддерживали легкие арки, а на камне выполнена сложная, почти ювелирная резьба, рассказывающая истории о древних традициях через призму нового времени. У самого входа, на широкой каменной площадке, играет фонтан: струи воды бьют вверх с такой силой, что казалось, будто они пытаются достичь неба, создавая вокруг себя легкую, мерцающую в солнце дымку. Швейцар в безупречной белой униформе, с выправкой солдата, мягко отворил массивные двери. Его улыбка была профессиональной, но искренней, сразу снимая напряжение после долгой дороги.

— Добро пожаловать, — произнес он на чистом английском языке, с приятным, слегка бархатистым акцентом, который казался уместным в этом месте.

Лобби поразило своим масштабом. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке, а пол выложен огромными плитами мрамора, который сиял под ногами, отражая свет от гигантских хрустальных люстр, свисающих с высоты. Вдоль стен, в массивных керамических кадках, стояли живые растения, некоторые из которых были столь высоки, что их верхушки терялись в тени потолочных светильников. Меги

чувствовала себя отчужденно и одновременно замороженно, словно шагнула за порог в другую реальность. В Москве она знала отели такого класса только понаслышке или видела их интерьеры на экранах во время деловых встреч, но никогда не позволяла себе остановиться там. Здесь же время, казалось, замедлило свой бег.

Нино, которая всю дорогу до этого ворчала на утомительную поездку, шум в аэропорту и жару, внезапно замолкла. Ее глаза широко раскрылись, а привычная нахмуренность исчезла. Рядом с ней Дато невольно свистнул от удивления, присвистнув сквозь зубы.

— Ничего себе, — выдохнула Эка, оглядываясь по сторонам с выражением детского восхищения.

Меги же хранила молчание. Ее внимание приковано к большим стеклянным дверям в глубине лобби. Сквозь прозрачное стекло пробивался яркий солнечный свет, выхватывая из полумрака блеск воды бассейна и далекую, сверкающую линию моря. Этот вид казался обещанием покоя и свободы.

— Дамы и господа, — раздался мягкий голос портье у стойки регистрации. Он широко улыбнулся, глядя на группу. — Ваши номера готовы, они находятся на третьем этаже. Завтрак подается с 7:00 до 11:00 в ресторане на первом этаже. Бассейн и зона отдыха работают до 22:00. Желаем вам приятного отдыха и незабываемых моментов.

Номер оказался просторным и залитым светом. В комнате

стояли три отдельные кровати с белоснежным бельем, каждая из которых казалась приглашением к отдыху. Меги инстинктивно выбрала ту, что располагалась у панорамного окна. Оттуда открывался вид на море. Стеклянная дверь вела на небольшой балкончик. Место было компактным, но достаточно просторным, чтобы стоять, облокотившись на перила, и просто смотреть на бескрайнюю синеву, слушая шум прибоя.

Нино бросила свою сумку на среднюю кровать, словно сдаваясь в плен комфорту. Эка заняла место у входа, ближе к выходу, привычно занимая позицию наблюдателя. Они молча разошлись по своим углам, доставая вещи, раскладывая одежду по полкам и шкафам. Тишина в номере была уютной, наполненной лишь звуком открывающихся чемоданов и шелестом ткани.

Меги открыла свой чемодан: первым она достала льняное платье цвета слоновой кости, которое лежало на самом дне, аккуратно сложенное в специальную упаковку, чтобы не помяться. Увидев его в витрине, она сразу влюбилась: ткань казалась живой, мягкой и дышащей, идеально подходящей для теплого сентября, когда жара уже спала, но воздух еще сохранил летнее тепло. Платье длиной чуть ниже колена, свободного кроя, с тонкими бретелями, которые легко скользили по плечам. Вырез скромный, но изящный, акцентируя внимание на ключицах, а пояс из такой же льняной ткани завязывается на талии большим, небрежным бантом, подчер-

кивая фигуру.

Цвет слоновой кости был особенным: это не ослепительный белый и не бежевый, а нечто среднее, теплое и мягкое. Он напоминал утренний свет, пробивающийся сквозь занавески в тихий рассвет.

— Красивое, — тихо заметила Эка, глядя на платье из-за своего плеча с легкой завистью в голосе.

— Спасибо, — Меги улыбается. — Думаю, надену его.

Нино уже переделалась в строгий брючный костюм, даже в Гонио, даже в пятизвёздочном отеле, она остаётся профессионалом.

— Встреча через час, — напоминает Нино. — Ресторан на первом этаже, клиент будет ждать.

Первый рабочий день в Гонио начинается.

Ресторан отеля, занимающий весь первый этаж, поражает своим архитектурным решением: огромные панорамные окна от пола до потолка не просто впускают свет, а стирают границу между внутренним пространством и природой. Отсюда Чёрное море открывается во всей своей первозданной мощи, как на ладони. Бескрайняя синь воды, разбитая белыми гребнями волн, создаёт гипнотический эффект. Окна ориентированы на запад, что гарантирует великолепные закаты, однако сейчас, в середине дня, солнце стоит в зените, и его отражение на водной глади бьет по глазам ослепительным, почти осязаемым блеском. Воздух здесь пропитан солью и теплом, а легкий бриз мягко колышет легкие шторы.

За одним из столиков у окна сидит мужчина лет сорока пяти, обладающий внушительной внешностью. Плотное, крепкое телосложение, безупречно ухоженная, слегка седящая борода и дорогие часы на запястье, которые тикают с тихим, уверенным звоном, выдают в нем человека, привыкшего к успеху и контролю. Это Зураб Имнадзе, владелец и основатель сети отелей «Колхида». Он встречает гостей у входа в ресторан, его манеры просты, но тверды: он пожимает руки каждому в очереди, крепко, по-мужски, с легким нажимом, который одновременно приветствует и устанавливает доминантное положение.

— Меги, я слышал, вы из Москвы? — спрашивает он, задерживая ее руку в рукопожатии на долю секунды дольше, чем это принято в деловом этикете. Его взгляд внимателен, оценивающе и немного проницателен.

— Из Тбилиси, — отвечает она, слегка улыбаясь. — Вернулась недавно.

— Правильно сделали, — кивает Зураб, и в его голосе звучит искреннее одобрение, подкрепленное ностальгической нотой. — Грузия всегда ждёт своих детей, здесь всё ближе к душе.

Они занимают место за большим столом у самого окна: на полированной поверхности уже ждут минеральная вода в высоких графинах, свежавыжатые соки в хрустальных бокалах и изысканная фруктовая нарезка, собранная в геометрически правильные композиции. Официант, подметив

их присутствие, быстро подходит с меню, но Зураб уверенно машет рукой, откладывая чтение списка блюд в сторону: «*Потом*». Сейчас время для разговора, а не для выбора еды.

Начинаются переговоры. Атмосфера в зале становится чуть более напряженной, хотя внешне все остается спокойным и расслабленным. Зураб переходит к сути дела. Он рассказывает о своем новом проекте — отеле, который открылся всего месяц назад. Несмотря на высокий уровень сервиса, который он считает безупречным, показатели заполняемости остаются на удивление низкими.

— Проблема не в сервисе, — подчеркивает он, делая акцент на каждом слове. — Сервис отличный, персонал обучен по международным стандартам, каждая деталь продумана. Проблема в том, что люди просто не знают, что такой отель существует.

Зураб обводит рукой зал, его жест широкий, охватывающий пространство вокруг.

— Мы вложили миллионы, — продолжает он, и в его голосе слышится смесь гордости и легкой досады. — Инвестиции в дизайн, уникальная мебель, обучение персонала, создание атмосферы, а гости едут в соседние отели, потому что там реклама на каждом шагу. Баннеры, листовки, агрессивный маркетинг. Им нужно видеть, чтобы поверить, а мы... ждем, когда о нас узнают, но время идет, а загрузка растет медленно.

Нино достаёт ноутбук, открывает таблицы. Она суха, кон-

кретна, задаёт вопросы, на которые Зураб не сразу находит ответы.

— Какая у вас целевая аудитория? — спрашивает Нино.

— Семьи? Пары? Бизнес-туристы?

— Все, — пожимает плечами Зураб.

— Так не бывает, — Нино даже не улыбается. — Если вы пытаетесь угодить всем, вы не угодите никому. Нужно выбрать сегмент.

Дато вступает мягко, с улыбкой. Он рассказывает об успешных кейсах, о том, как работает «Мегобари», приводит примеры из практики. Зураб слушает, кивает. Видно, что Дато ему нравится — простой, свой.

Эка молчит, но Меги замечает, как она записывает каждое слово в блокнот аккуратным мелким почерком. Потом, дома, Эка превратит эти записи в структурированный отчёт.

Когда Зураб поворачивается к Меги, она готова.

— У вас потрясающий вид, — говорит она, кивнув в сторону окна. — Но никто о нём не знает. Давайте сделаем так, чтобы каждый, кто открывает социальные сети, видел это море. Не рекламу «отель с бассейном», а эмоцию: закат, бокал вина, тишину.

Зураб смотрит на неё внимательно.

— Вы предлагаете не продавать отель, а продавать чувства?

— Именно, — Меги улыбается. — Отели продают кровати и завтраки, а мы продадим то, что остаётся в памяти. За-

кат с этого окна, утро у бассейна, свадьбу на газоне.

Зураб молчит несколько секунд, потом усмехается.

— Мне говорили, что в «Мегабари» работают профессионалы, но не говорили, что такие молодые.

— Возраст не имеет значения, когда есть результат, — отвечает Меги спокойно.

Зураб поднимает бокал с соком.

— За сотрудничество! Посмотрим, что у вас получится.

Чокаются. Нино прячет ноутбук, Дато заказывает кофе, Эка дописывает последние слова.

Меги смотрит в окно, море сверкает: где-то там, за горизонтом, её прошлая жизнь, а здесь новая, и, кажется, она начинается хорошо.

После плотного, сытного обеда, когда первые волны уюта и удовлетворения уже начали отступать, наступило время для более спокойного, но не менее важного мероприятия — личной экскурсии по территории отеля.

Зураб, выступавший в роли гида, проводил гостей с той деликатной уверенностью, которая свойственна истинным профессионалам гостеприимства. Он лично показал им их номера, акцентируя внимание на деталях интерьера и качестве текстиля, затем провёл через просторную спа-зону, где пахло эфирными маслами и спокойствием, и заглянул в современный конференц-зал, оборудованный всем необходимым для бизнес-мероприятий. Но главным, ради чего, казалось, и затевалась эта прогулка, был бассейн.

Это был не просто водоем, а настоящий архитектурный и эстетический шедевр. Огромный, идеально прямоугольный бассейн сиял чистой, прозрачной водой, которая к вечеру начинала отражать мягкую, теплую подсветку, превращаясь в огромное зеркало, усыпанное цифровыми звездами. Вокруг него раскинулся газон, стриженный с ювелирной точностью: он был идеально ровным, насыщенно-зеленым, настолько безупречным, что напоминал бильярдное сукно, готовое принять точный удар. По периметру, словно белые облака, расположились шезлонги с мягкими матрасами, над которыми возвышались элегантные зонты от солнца, а в стороне уже работал бар с коктейлями, предлагая гостям прохладные напитки с дольками цитрусовых и свежей мятой.

Меги огляделась и заметила, что отель оказался заполнен гораздо больше, чем они первоначально предполагали. У бассейна кипела жизнь: здесь были и шумные семьи с маленькими детьми, и романтические пары, и компании друзей. Кто-то погруженно читал книги в тени пальм, кто-то наслаждался игристым вином, делая глотки из высоких стаканов, а кто-то просто лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь моментом абсолютного покоя.

— Удивлены? — спросил Зураб, уловив её задумчивый взгляд. Его голос был тихим, ненавязчивым. — Сентябрь у нас — это так называемый «бархатный сезон». Море ещё теплое, как ласка, а солнце уже не жжёт, как в разгар лета. Многие берут отпуска именно сейчас, чтобы избежать авгу-

стовской толпы, а ещё сентябрь — это пик свадебного сезона. В субботу у нас каждая дата расписана до самого ноября, гости съезжаются со всей страны и из-за рубежа.

Меги кивнула, не отрывая взгляда от зелени. Ей представилась живая картина: как здесь гуляют молодожёны в белых нарядах, как играет живая музыка, наполняя воздух радостью, и как все вместе танцуют традиционную грузинскую картули, вращаясь в быстром круговом движении.

— У вас очень красиво, — тихо сказала она, и в её голосе звучала искренняя признательность. — Правда.

Зураб улыбнулся, и впервые за весь этот напряженный день его улыбка перестала быть деловой, профессиональной маской. Это была простая, человеческая улыбка, теплая и открытая.

— Спасибо, — ответил он. — Теперь ваша очередь сделать так, чтобы об этой красоте узнали все.

Вечером, когда солнце медленно, величественно село в море, окрашивая горизонт в оттенки золота и пурпура, Меги стоит на балконе своего номера. Воздух был прохладным и влажным, напоенным ароматами моря и цветущих растений.

Нино уже крепко спала в соседней комнате — она уснула, так и не дочитав последние новости, с телефоном, всё еще светящимся экраном, зажатой в руке. Где-то в ванной комнате было слышно, как плещется вода: Эка приняла душ, смывая с себя усталость дневной дороги.

Меги смотрела на закат. Небо горело оранжево-розовым

огнем, переходящим в глубокие фиолетовые тона, а море внизу стало тёмно-синим, почти черным, спокойным и таинственным. Где-то внизу, на газоне у бассейна, звучала тихая, мелодичная музыка, слышался звонкий смех, который быстро растворялся в вечернем воздухе.

Она думала о том, как стремительно и необратимо меняется жизнь. Всего три недели назад она сидела в холодной, пустой московской квартире, глядя в окно и не имея ни малейшего понятия, что будет дальше. А теперь она стоит на балконе роскошного пятизвездочного отеля в Гонию, смотрит на бескрайнее море и чувствует странное, но приятное ощущение правильности происходящего. Будто пазл наконец сложился.

Завтра их ждет свободный день. Дато, проявив свою обычную находчивость, уже нашел ресторан под открытым небом, где обещают живую музыку, ароматную еду и настоящие грузинские танцы. Меги пообещала своим подругам, что завтра обязательно пойдет с ними, чтобы разделить этот вечер.

ГЛАВА 11

Ото резко вскидывает голову, словно от удара током. Голоса за окном не просто слышны, они пронзают тишину комнаты, звонкие, требовательные, почти агрессивные — чайки. Они кричат так громко и надрывно, будто сидят прямо на подоконнике, склевывая остатки его сна, или же требуют немедленного внимания, которого он так не хотел.

Он не может вспомнить ни одного момента, как именно засыпал. Память обрывается на тусклом свете фонарей вокзала в Тбилиси, где поезд опоздал на полтора часа, создавая хаос из опаздывающих пассажиров и ругани кондукторов, а потом бесконечная, утомительная дорога в маршрутке. Двухчасовое путешествие по извилистым, тёмным дорогам, где за окном мелькали лишь случайные огни домов и силуэты спящих холмов. В салоне пахло дешевым табаком, пылью и усталостью. Когда они, наконец, добрались до Гонио, город уже спал, погруженный в густую, влажную тьму.

Отель «Колхида Палас» встретил их контрастом. Лобби залито мягким, теплым светом хрустальных люстр, а портье, с безупречной улыбкой, почти магическим движением выдал ключи от номера на втором этаже. В номере тихо и прохладно. Ото рухнул на кровать, даже не снимая обуви, тяжесть тела поглотила матрас, и он мгновенно провалился в сон.

Рядом, на другой кровати, Лаша бормотал что-то неразборчивое, жестикулируя рукой в пустоту. Он говорил про душ, про то, что желудок требует еды, про ужин, который они, возможно, так и не успели съесть, но Ото не ответил. Ни звука, сон накатил на него волной — тяжелый, вязкий, без сновидений, такой, какой бывает только после недели бессонных ночей перед важными соревнованиями, когда нервная система окончательно сдаётся и отключается для защиты.

Вскоре наступило утро — яркое, навязчивое, полное звуков. Чайки продолжают свой крик, не давая возможности восстановить внутренний покой.

Ото медленно открывает глаза. Комната залита дневным светом. Шторы, которые он вчера даже не заметил, теперь раздвинуты, впустив в помещение потоки свежего воздуха и света. Ему всё равно, как спалось, куда смотреть, какие шторы задвинуть, сейчас это кажется несущественным. За окном виднеется бледно-голубое небо, почти белое у горизонта, с редкими, пушистыми облаками, которые медленно плывут, не спеша, и море. Он видит его краем глаза — синее, глубокое, бескрайнее. Оно кажется непривычным после привычных горных пейзажей Грузии, где каждый горизонт ограничен хребтами и лесами. Здесь же граница неба и воды сливается в одну линию, создавая ощущение свободы и одновременно пустоты.

Он садится на кровати, чувствуя, как мышцы немного за-

текли. Рядом, на второй кровати, разметавшись во всю длину, спит Лаша. Одна нога свисает с края матраса, пятка касается холодного паркета. Подушка сползла на пол, и теперь Лаша спит, уткнувшись лицом в простыню. Из его рта вырывается тихий, ритмичный свистящий храп — звук, который Ото знал лучше своего собственного дыхания.

Ото смотрит на друга. Ничего не меняется. Лаша — это Лаша. Он может спать где угодно: в метро, на стадионе, в очереди, в машине, и как угодно — растянувшись во весь рост, свернувшись калачиком или балансируя на краю опасности. На турнирах они всегда жили в одной комнате, и Лаша умудрялся просыпаться за пять минут до выхода на поле, в то время как Ото уже успевал размяться, принять холодный душ, собрать мысли в кучу и выпить два крепких кофе. Эта разница в ритмах жизни их вечной динамикой: Ото — контроль, Лаша — хаос.

Ото встаёт. Пол прохладный под босыми стопами. Он идет в ванную, где вода из крана льется тёплой, мягкой струей. Она пахнет хлоркой, но ему кажется, что он чувствует примесь соли — запах моря, который, возможно, проник сюда через вентиляцию или просто осел в его восприятии. Он умывается, проводя холодной водой по лицу, пытаясь смыть остатки сна. Смотрит в зеркало, которое отражает человека, выглядящего нормально. Каре-зелёные глаза, чуть уставшие, но ясные. Короткая, аккуратная стрижка, которая не требует ухода. Лёгкая, едва заметная щетина, придающая лицу му-

жественности. Он выглядит готовым.

Одевается медленно, тщательно. Джинсы темно-синего цвета, белая рубашка из хлопка, чистые белые кроссовки. Смокинга у него нет, и это не проблема. Георгий звонил вчера вечером, его голос был спокойным, уверенным:

«Одевайся как хочешь, главное, чтобы ты был. Мы ждём тебя».

Ото оделся как хотел — просто, чисто, без лишнего пафоса и претензий. Он выбрал то, в чем чувствует себя собой.

В 08:30 Лаша всё ещё спит, погружившись в глубокий, непробудный сон, который, судя по ровному ритму дыхания, обещает быть долгим. Он уже лежит на спине, поджав колени к груди, полностью отдавшись во власть утренней лени.

Ото стоит над ним, сложив руки на груди в позе, которая одновременно выражает нетерпение и некую холодную решимость. На цифровых часах на тумбочке мигает красными цифрами 08:31. У них есть ровно тридцать минут до девяти, чтобы собраться, позавтракать и подняться на третий этаж, где их уже ждет Георгий. Каждая минута на счету, ведь опоздание на его свадьбу — это не просто грубость, это катастрофа.

Ото медленно опускает взгляд на пол. Там, среди разбросанных вещей, лежит футболка Лаши — та самая, которую друг бросил на спинку деревянного стула вчера вечером, даже не удосужившись убрать её в шкаф. Ото наклоняется, берет её. Ткань мягкая, слегка помятая, пахнет сном и легким

потом. Он сворачивает её в тугой, плотный комок, проверяя его вес в руке, и с размаху запускает в лицо друга.

Футболка летит по дуге и с глухим шлепком попадает точно в цель, закрывая Лаше глаза и нос.

Лаша резко всхрапывает, словно его только что выдернули из воды, потом на секунду затихает, тело замирает, и лишь затем, медленно, как улитка, он открывает один глаз, пытаясь сфокусировать взгляд сквозь ткань.

— Что? — голос сонный, хриплый, сорванный сипотой, в нем слышится искреннее недоумение и остатки сна.

— Половина девятого, — говорит Ото. Его голос спокоен, лишен эмоций, словно он констатирует факт наступления конца света. — Георгий ждёт.

Лаша тяжело вздыхает, поворачивается на другой бок и снова закрывает глаз, пытаясь вернуться в уютное небытие.

— Ещё пять минут, — бормочет он, уже почти не открывая рта.

Ото не отвечает, он снова наклоняется и берет вторую футболку.

— Я встаю! Я встаю! — Лаша внезапно вскакивает с кровати, словно от толчка. Он выглядит взъерошенным, с растрепанными волосами и покрасневшим от сна лицом, которое еще не осознало реальность. — Ты ненормальный, швыряться вещами. В горах так не учат. Там нас учили уважать тишину и природу, а не будить людей спортивной экипировкой.

— В горах учат вставать в пять утра, — парирует Ото, не меняя позы. — Когда солнце еще не встало, а ты уже должен быть на вершине. Умывайся, завтрак принесут через пять минут, так что не медли.

Пока Лаша лежал, Ото уже успел позвонить на ресепшен. Он четко и вежливо, но настойчиво заказал кофе, сырники, лаваш и горку местного меда. Простая, понятная еда, которая быстро дает энергию. Он договорился, что завтрак будет готов ровно к 08:45, оставив себе ровно десять минут на то, чтобы довести Лашу до сознания.

Лаша бредет в ванную, громко бормоча про жестокость друга, про отсутствие человечности и про то, что Ото превратился в настоящего инквизитора. Ото стоит у окна, облокотившись на подоконник. Он смотрит вниз, на лазурную гладь моря. Внизу, у бассейна, уже кипит жизнь: кто-то плавает брассом, делая круг за кругом, кто-то сидит в шезлонге и пьет апельсиновый сок, наслаждаясь первыми лучами солнца. Жизнь идет своим чередом, не завися от их спешки.

Сегодня его близкий друг женится. Ото никогда не знал, как вести себя на свадьбах, куда смотреть, когда аплодировать и можно ли танцевать, но Георгий просил приехать, и он приехал. Георгий просил быть рядом, и он будет — это единственное, что имеет значение.

— Всё, я готов, — Лаша выходит из ванной, мокрый после умывания, но уже бодрый. На его лице появилась улыбка, похожая на облегчение.

В дверь стучат. Три коротких, четких удара. Завтрак.

Они едят быстро. Ото не любит тратить время на еду, для него это лишь техническая необходимость для поддержания работоспособности. Лаша просто голоден, его организм требует топлива после пробуждения. Сырники, щедро политые медом, горячий кофе, лаваш с маслом — всё исчезает со скоростью, поражающей воображение. Через пятнадцать минут тарелки пусты, крошки сметены, чашки опорожнены.

— Идём, — командует Ото, вставая из-за стола. Движения резкие, целеустремленные.

— Ты сегодня как тренер на соревнованиях, — усмехается Лаша, поправляя воротник. — Командуешь, прессуешь, скоро начнешь кричать «ещё по одному кругу».

— Сегодня у Георгия важный день, мы не должны опоздать. Опоздание — это неуважение, — твердо отвечает Ото, хотя в его глазах мелькает искра тепла.

Лаша кивает, соглашаясь с логикой друга. Он надевает чистую, свежую рубашку, тщательно приглаживает волосы рукой, чтобы они не выбивались из-под шапки. Выглядит почти прилично. Почти. Но достаточно, чтобы войти в зал и сказать: «*Я здесь*».

Номер 337 — на третьем этаже, в самом конце длинного, слегка изогнутого коридора отеля. Тяжелая дверь открыта, и оттуда, смешиваясь с гулом голосов и звонким смехом, доносится теплая, живая атмосфера предвкушения. Ото и Лаша входят внутрь, переступая порог.

Георгий стоит посреди комнаты, словно статуя, одетая в безупречный белый смокинг.

Ото никогда раньше не видел друга в таком виде. Георгий всегда был «своим» парнем из их компании: практичные джинсы, простые футболки, непритязательная кепка, которую он носил задом наперед. А сейчас — идеально сидящий смокинг, аккуратная бабочка, начищенные до блеска туфли. Он выглядит чужим, почти ненастоящим в этом новом образе, но при этом невероятно счастливым.

— Ото! — Георгий распахивает объятия. — Лаша! Идите сюда!

Они обнимаются. Георгий пахнет дорогим, сладковатым парфюмом — это не привычный запах пота, дзюдо и земли с татами.

— Ты как? — спрашивает Ото, отстраняясь.

— Волнуюсь, — признается Георгий. — Ужасно волнуюсь. Что если она передумает?

— Не передумает, — Лаша хлопает друга по плечу. — Ты видел, как она на тебя смотрит. Она скорее горы свернет, чем передумает.

В номере, помимо них, еще трое. Ото знает всех — друзья детства, те, с кем Георгий дружит со школы. Лука — высокий, худой, всегда серьезный, Бека — весельчак, копия Лаша, и Мириан — тот, кто уехал в Европу пять лет назад и вернулся только на свадьбу.

— Смотрите, — Георгий подходит к зеркалу. — Галстук

нормально?

— Ты надел бабочку, — напоминает Лаша. — Не галстук.
— Какая разница, — машет рукой Георгий.

Ото смотрит на друга. Вспоминает, как они стояли на та-
тами. Георгий всегда проигрывал, но никогда не сдавался.
Вставал после каждого броска, улыбался и говорил: *«Давай
еще»*. Сейчас он стоит перед зеркалом и поправляет бабочку.
Тот же взгляд — спокойный, уверенный, никакого волнения.
Он просто сказал *«волнуюсь»*, потому что так принято.

В дверь решительно стучат, нарушая тишину предвкуше-
ния. Распахивается дверь, и в комнату врывается фотограф
— молодой, энергичный парень, вооруженный профессио-
нальной камерой с огромным, внушающим уважение объек-
тивом, который кажется почти таким же тяжелым, как он
сам. Он дышит ровно, излучая уверенность человека, знаю-
щего, как запечатлеть историю.

— Ребята, давайте снимем процесс, — говорит он бодро,
сразу переходя к делу, не тратя время на лишние слова. —
Жених собирается, друзья рядом. Это момент, когда рож-
даются настоящие воспоминания. Живые эмоции, искрен-
ность. Встаньте вокруг Георгия плотным кольцом. Смотрите
на него, на его лицо, а не на меня. Я здесь лишь тень, вы же
главные герои.

Ото чувствует, как внутри нарастает знакомое, неприят-
ное чувство неловкости. Он категорически не любит фото-
графироваться. Ему некомфортно от осознания того, что его

жизнь превращается в набор пикселей, от ощущения вторжения в личное пространство через линзу объектива, но сегодня не его день, не его праздник, и он понимает, что должен быть здесь, несмотря на внутренний протест.

Георгий садится на жесткий стул, его движения спокойны и размеренны. В руках он держит изящные запонки, тщательно проверяя их положение. Лаша, внимательный и заботливый, поправляет ему воротник рубашки, делая это с ювелирной точностью. Лука стоит рядом, сжимая в руке запасную черную бабочку, готовую заменить основную в случае чего. Бека, не способный усидеть на месте, улыбается в камеру так широко и беззаботно, что видны все его зубы, превращаясь в воплощение радости этого дня.

— Ото, — голос фотографа резко переключает внимание на него. Парень поворачивается, указывая пальцем. — Встаньте слева от жениха. Нет, чуть ближе. Руку на плечо ему положите. Покажите единство.

Ото медленно подходит и кладет руку на широкое плечо Георгия. Через тонкую, но плотную ткань смокинга он отчетливо чувствует тепло тела друга, ритмичное биение пульса. Георгий слегка улыбается, глядя прямо в объектив, принимая роль героя.

Щелкает затвор — короткий, сухой звук, фиксирующий момент.

— Отлично! Держим паузу. Теперь серьезные лица. Представьте, что вы на Олимпиаде, перед решающим прыжком

или ударом. Максимальная концентрация.

Лаша давит смешок, пытаясь сохранить серьезность, но уголки губ предательски дрожат. Ото не улыбается. Он смотрит в объектив с тем же холодным, сосредоточенным выражением, с каким обычно смотрел на соперников перед схваткой — спокойно, твердо, отстраненно, без единой лишней эмоции. Он как будто отделяет себя от происходящего, становясь наблюдателем собственной жизни.

Щелкает еще раз.

— Супер! А теперь расслабьтесь. Смеемся. Георгий, расскажи что-нибудь смешное, анекдот, шутку.

Георгий что-то бормочет тихо, почти неразборчиво. Ото не слышит слов, его внимание приковано к реакции друзей, но Мириан уже хохочет, прикрывая рот рукой. Бека смеется в голос, запрокинув голову назад. Даже обычно сдержанный, серьезный Лука не выдерживает и улыбается, искривляя губы.

Ото не смеется, он не умеет смеяться для камеры, не умеет включать «праздничное настроение» по команде. Он вообще не умеет делать ничего для камеры. Для него это чужой, навязанный язык, который он не понимает.

Но он здесь. Его присутствие — это не акт участия в шоу, а акт верности, и это главное.

Фотограф, довольный результатом, делает еще несколько кадров — крупные планы рук, детали текстуры ткани, блеск запонок, общие кадры смеющихся друзей, детали интерьера.

Он ловит мимолетные взгляды, касания, тени.

Потом он плавно опускает тяжелую камеру вниз.

— Всё, ребят, спасибо. Вы классные, получились очень душевно. Георгий, ты через час выезжаешь к невесте. Успеваешь по времени?

— Успеваю, — коротко и уверенно кивает Георгий, поправляя галстук.

Фотограф собирает оборудование, кивает на прощание и уходит. Шум в комнате стихает, возвращается привычная, уютная тишина, нарушаемая лишь звуками дыхания и легким шелестом одежды.

Георгий поворачивается к друзьям, его взгляд становится мягче, серьезнее.

— Ребята, — говорит он тихо, и в его голосе звучит искренняя благодарность. — Спасибо, что вы здесь, без вас это было бы не то.

Лаша снова хлопает его по плечу, поддерживая контакт. Бека обнимает его крепко, в дружеских объятиях. Лука кивает, подтверждая свою поддержку. Мириан, стоящий чуть в стороне, жмет руку, сжимая пальцы Георгия в знак солидарности.

Ото просто смотрит в глаза, не отводит взгляда.

— Ты хороший человек, Георгий, — говорит он тихо, но четко, вкладывая в эти слова весь свой вес. — Она выбрала правильно.

Георгий улыбается, его глаза блестят, влажные от непро-

извольню выступивших слез счастья и волнения.

— Ладно, — говорит он, отворачиваясь к зеркалу, чтобы скрыть слезы и собрать себя в кулак. — Хватит соплей, поехали жениться.

Ото выходит в коридор, Лаша рядом.

— Ты сегодня молчаливый даже для себя, — замечает Лаша.

— Я всегда молчаливый.

— Нет, сегодня по-особенному.

Ото не отвечает, смотрит в окно в конце коридора. Оттуда видно море — синее, спокойное, бесконечное.

— Думаешь о своём? — спрашивает Лаша тихо.

— Ни о чём не думаю.

— Врёшь.

Ото молчит, Лаша прав, он думает. Думает о том, что у Георгия есть кто-то, ради кого он надевает белый смокинг и поправляет бабочку. Думает о том, что у самого Ото — только школа, Чико и пустой дом в горах.

Но он не говорит этого вслух, мужчина не жалуется.

— Пойдём, — Ото толкает Лашу в плечо. — До свадьбы ещё два часа, надо переодеться.

— Ты и так нормально одет, — Лаша осматривает его с ног до головы.

— Это не для свадьбы. Это для утра. Я возьму пиджак. Лаша улыбается.

— Ото, ты становишься человеком.

Ото идёт к лифту, не оборачиваясь, оставляя шутку друга без внимания, нажимает кнопку вызова лифта. Коридор третьего этажа тихий, только где-то далеко слышны голоса, смех, звуки открывающихся дверей. Свадебная суета постепенно затихает, гости разошлись по номерам переодеваться.

Лаша стоит рядом, смотрит в телефон.

— Ото, я сейчас, — бормочет он, не поднимая головы. — Мне Георгий звонил...

— Мы опаздываем, — напоминает Ото, голос спокойный, но внутри уже закипает раздражение. Он не любит ждать, не любит, когда рушатся планы.

Лифт ещё не приехал, кнопка горит жёлтым.

Лаша отвечает на звонок, слушает секунду, потом лицо у него меняется, становится озабоченным.

— Ото! — кричит он. — Езжай один! Георгий забыл отдать мне коробку с кольцами! Я сейчас!

Лаша разворачивается и бежит обратно по коридору, к номеру 337. Его шаги гулко отдаются в тишине, потом затихают за поворотом.

Ото остаётся один.

Он тяжело вздыхает, размахивает руками — жест отчаяния, который он позволяет себе только когда никто не видит. Коробка с кольцами. Конечно. Георгий, который всегда всё забывает. Лаша, который вечно в последний момент всё исправляет, а он, Ото, стоит в коридоре и ждёт лифт, который едет слишком медленно.

За спиной раздаётся характерный металлический звон — сигнал прибытия кабины. Звук кажется громким, почти навязчивым в тишине здания. Лифт с легким, почти незаметным покачиванием останавливается на нужном этаже. Двери плавно расходятся в стороны, обнажая пространство внутри.

Ото, который уже сделал шаг вперед, резко оборачивается, чтобы войти внутрь как можно быстрее, пытаясь скрыть свое присутствие, но его движения мгновенно замирают, превращаясь в статичную позу. Он буквально застывает на месте, не в силах отвести взгляд.

Перед ним, внутри светящейся коробки лифта, стоит девушка.

Она находится там одна, занимая центр пространства. Ее темные волосы собраны в высокий, небрежный пучок на макушке — прическа, созданная на бегу, с несколькими тонкими прядями, выбившимися и мягко обрамляющими лицо. В правой руке она держит маленькое круглое зеркальце, а в левой — прозрачный блеск для губ. Она полностью погружена в процесс: смотрит в зеркало, аккуратно подводит блеск к губам, чуть вытянув их вперед трубочкой для лучшего контроля. Ее лицо выражает глубокую сосредоточенность. Она увлечена своим занятием, будто вокруг нее нет ни стен, ни коридора, ни людей, только она и отражение в стекле.

Ото смотрит не на саму девушку, а на ее изображение в миниатюрном зеркальце, которое она держит перед собой.

Зеленые глаза.

Он сам не может объяснить, почему именно они привлекают его внимание в первую очередь. Это не стильная прическа, не элегантная поза или дорогой наряд. Это глаза — яркие, пронзительные, цвета мха или изумруда, обрамленные длинными темными ресницами. Они смотрят на него через тонкое стекло зеркала, лишь на одно мгновение, пока она проверяет результат своего макияжа, прежде чем осознать, что двери лифта открыты, а в проеме стоит кто-то, кто наблюдает за ней.

Девушка резко выпрямляется. В одно быстрое, ловкое движение она закрывает блеск и убирает зеркальце в свою сумку, которая висит на плече. Ее жесты четкие, уверенные. Затем она скрещивает руки на груди, занимая оборонительную, но спокойную позу, и смотрит прямо на Ото. В ее взгляде нет паники или агрессии, лишь легкое, едва уловимое удивление и вопрос: *«Кто ты такой?»*.

Ото все еще стоит в проеме, словно прикованный к полу. Он не может пошевелиться, не может даже вдохнуть полной грудью.

Что происходит с ним? Почему его тело отказывается слушаться? Почему он застыл, как наивный мальчишка, который случайно застал кого-то врасплох?

Он заставляет себя сделать шаг вперед, входя в лифт. Его рука автоматически тянется к панели управления, пальцы ищут кнопку этажа, который ему нужен, но его движение прерывается: он видит, что кнопка второго этажа уже горит

ярким светом. Значит, кто-то нажал ее раньше него. Ото медленно опускает руку, чувствуя странное тепло, поднимающееся от шеи к лицу.

Двери с тихим, почти музыкальным шорохом смыкаются, отсекая внешний мир. Они остаются вдвоем в замкнутом пространстве.

Ото чувствует нарастающую неловкость. Это не та привычная холодная дрожь, которая предшествует важным соревнованиям или ответственным выступлениям, когда адреналин помогает собраться и сосредоточиться. Это что-то другое — неудобное чувство. Он не знает, куда деть взгляд: смотреть на пол, на потолок или на цифры, меняющиеся на табло. Он не знает, что делать со своими руками, которые вдруг стали слишком большими и неуклюжими. Тишина в лифте становится тяжелой, наполненной невысказанными словами и напряжением, которое тянется между ними, как невидимая нить.

Он медленно, почти механически, поворачивает голову к незнакомке. Движение дается с трудом, словно шея затекла от статичной позы или от невысказанных мыслей, которые давно застряли в горле.

На ней белая футболка. Самая обычная, базовая, без логотипов, принтов или провокационных надписей. Чистый, ослепительный белый цвет, который контрастирует с серым фоном лифта. Джинсы — классические синие, свободные в бедре, но плотно облегающие ноги. На коленях они потёр-

ты до легкой сероватой пушистости, что говорит о том, что эта вещь давно стала частью её повседневной жизни, привычным вторым слоем кожи, белые кроссовки — минималистичные, чистые, без лишних деталей, и абсолютно такие же, как у него.

Ото опускает взгляд на свои ноги, потом переводит его ниже, на её обувь. Со стороны случайного наблюдателя, который заглянул бы в этот лифт в эту секунду, могло бы сложиться ложное впечатление: эти двое — пара или, по крайней мере, они договорились одеться одинаково ради какого-то внутреннего шутивого ритуала. Симметрия пугает своей идеальностью.

Но девушка не замечает этого странного совпадения, для неё это просто ткань, просто обувь, просто фон. Она явно увлечена своим цифровым миром, который для неё сейчас важнее физического пространства вокруг. Она достала телефон — тонкий, современный, в прозрачном чехле и начала активно печатать большими пальцами, ритмично постукивая по стеклу. Взгляд устремлен в экран, брови слегка нахмурились, образуя тонкую складку между ними. Она морщит лоб, сосредоточенно шурясь от яркости дисплея. Может быть, она срочным образом отвечает на рабочую почту, пытаясь доделать задачу перед дедлайном. Может быть, ведет долгий разговор с подругой, извиняясь за то, что застряла в лифте со странным молчаливым парнем, который смотрит на неё так, будто видит впервые и в то же время знает всю

её жизнь.

Ото смотрит на её лицо, на самом деле, он не может оторвать от него взгляд.

Впервые в жизни ему кажется, что он видит девушку, которая отказалась от маскировки. Без макияжа она выглядит так, будто её кожа — это главное сокровище над которым не стоит шутить, а которое нужно беречь. Она гладкая, ровная, с тем самым легким, теплым загаром, который говорит о лете, о прогулках на открытом воздухе, о жизни за пределами четырех стен, и родинки — крошечные, темно-коричневые, почти черные точки. Они рассыпаны вдоль линии уха, спускаются по скуле и исчезают в изгибе щеки, словно созвездия на карте ночного неба, которую хочется изучать часами, пытаясь угадать их названия и историю.

Ото не понимает, почему он это замечает, почему его разум цепляется за эти мелкие детали, игнорируя общие черты лица. Почему взгляд прилипает к этим родинкам, почему хочется мысленно соединить их в линии, проследить их путь. Почему внутри поднимается странный, почти детский импульс спросить: *«Ты всегда так выглядишь или только сегодня? Ты не любишь косметику или просто забыла?»*

Но он молчит. Конечно, молчит. Его губы слипаются от напряжения. Он всегда молчит, когда нужно сказать что-то настоящее. Слова кажутся ему слишком громкими, слишком грубыми для хрупкости момента.

Лифт с тихим, почти незаметным гулом начинает замед-

ляться. Вибрация под ногами меняется, становится плавной. Двери с мягким шорохом разъезжаются в стороны.

Девушка не двигается. Она не поднимает головы, не ищет глазами выход. Она всё ещё печатает, уткнувшись носом в телефон, погруженная в свою беседу с виртуальным миром.

Ото делает жест рукой — короткий, открытый ладонью вперед. Пускай идет. Жест получается резким, неестественным, почти агрессивно-резким. Он тут же отдёргивает руку, будто только что коснулся раскаленного металла, и прячет её в карман джинсов. Сердце колотится где-то в горле.

Девушка поднимает глаза. Она смотрит на него мельком, одним лишь уголком зрения, не полностью поворачивая головы. В её взгляде нет интереса, любопытства, только вежливая отстраненность человека, который привык пропускать чужие жизни мимо себя. Она кивает коротко, сухо, без улыбки — это жест-приветствие, жест-извинение за задержку, затем она выходит из лифта.

Ото выходит следом, чувствуя себя вторым сортом в этом танце.

Она идет вперёд, быстрым, уверенным шагом. Кроссовки мягко, бесшумно ступают по толстому коридорному ковролину, поглощая звук её шагов. Пучок волос на затылке подпрыгивает в такт её движениям, живая пружина, задающая ритм её спешке.

Ото смотрит ей вслед. Он не бежит за ней, не пытается наверстать упущенное время, просто смотрит и думает.

О чём он думает?

Он думает о другом, о простом, нелепом, но невыносимо важном вопросе:

«Что она делает на моём этаже?»

Вопрос звучит глупо в его собственной голове. Этаж общий. В отеле живут люди, туристы, бизнесмены. Она могла быть где угодно: в ресторане, в спа-салоне, на парковке, но почему-то ему кажется, что это важно. Почему-то в этом факте совпадения скрыт какой-то знак, какая-то нить, которую он не хочет разрывать. Почему-то он хочет знать. Хочет знать её имя. Хочет знать, куда она идет. Хочет понять, почему именно здесь, в этом пустом коридоре, его одиночество стало осязаемым.

Девушка сворачивает за угол, где коридор упирается в лестничную клетку, и исчезает из виду, тень поглощает её фигуру.

Ото остаётся в коридоре один, тишина вокруг становится громче. Свет ламп кажется более холодным и вопрос *«Что она делает на моём этаже?»* эхом разносится по пустым стенам, не находя ответа.

ГЛАВА 12

Меги просыпается не постепенно, а резко и болезненно: от ослепительного луча солнца, который, словно невидимое копьё, пробивается сквозь щели в плотных шторах и бьёт прямо в зрачки. Резкий контраст между полумраком сна и ярким дневным светом заставляет её инстинктивно зажмуриться. Она судорожно прикрывает лицо ладонями, пытаясь отгородиться от агрессии света, и в порыве раздражения переворачивается на другой бок, но вместо привычного прохладного простынного льда её нос утыкается в пустую, слегка промятую подушку. Воздух вокруг густой, тёплый, насыщенный солеными испарениями и сладковатым, химическим ароматом дешевого солнцезащитного крема, который, видимо, кто-то нанёс накануне вечером. В комнате тишина, но не та, что бывает утром в Москве, когда уже звонят уведомления и начинается суeta, а густая, медитативная тишина курортного отеля. Нино нет, Эки нет, кровати рядом пусты.

Меги медленно, с трудом отлепляя веки, садится на кровати, шурясь, она оглядывается по сторонам. За окном, которое открывается настежь, разворачивается пасторальная картина: безупречно голубое небо, уходящее в горизонт, ласковое море, играющее на солнце бриллиантовой крошкой, и где-то вдалеке, над водой, кружат чайки — это выглядит как открытка из туристического каталога. Слишком краси-

во, идеально безупречно для того, чтобы внутри нарастала паника, холодящая кровь.

Рука сама тянется к телефону на тумбочке. Экран вспыхивает, заливая комнату холодным синим светом, который режет глаза. Цифры на дисплее горят неумолимо: 10:30.

Сердце падает вниз, оставляя после себя странное, тошнотворное чувство пустоты в животе. Встреча с ключевым клиентом была назначена ровно на 10:00. Тридцать минут. Она проспала целых тридцать минут.

— Нет, нет, нет... — бормочет Меги, голос звучит хрипло и неуверенно. Она вскакивает с кровати, ноги подкашиваются от резкого движения.

Руки дрожат так сильно, что она почти роняет телефон, прежде чем удаётся разблокировать его. Экран переполнен уведомлениями — целая гора сообщений в мессенджерах. Первое, самое важное, от Нино:

«Меги, мы не смогли тебя разбудить. Ты спала как убитая, даже дралась. Утренняя встреча отменилась, Зураб сам перенёс её на вечер. Мы все сейчас у Дато в номере, 223, на втором этаже. Приходи, когда проснёшься, не переживай».

Меги выдыхает — это не выдох облегчения, скорее рефлекторный сброс напряжения. Отменилась. Случайно. Повезло. Клиент сам предложил перенос, никто ничего не потерял, репутация в безопасности.

Но внутри, под этим слоем рационального успокоения,

всё равно разливается стыд — горячий, липкий, удушающий. Проспать в первый же день командировки. Забыть поставить будильник. Слепо положиться на то, что «девочки» разбудят. В Москве такого бы никогда не случилось. Никогда. Там она была машиной: вставала в шесть утра, даже если ложилась в два ночи, когда дедлайн горел, а кофе заканчивался. Там сон был привилегией, которую нужно было заслужить.

Здесь другая реальность: время течет иначе, так спокойно и неспешно, что организм, уставший от московской гонки, просто решил: «Канун выходных» и расслабился. До такой степени, что Меги не слышала, как тихо закрывались двери соседних номеров, как шуршали чьи-то сумки в коридоре, как хлопала дверь их номера. Она не слышала ничего, кроме собственного глубокого, обволакивающего сна, который унес её в такие далёкие края, что пробудить её оттуда было невозможно.

Она тяжело вздыхает, звук эхом отдаётся в просторной комнате. Стоит посреди неё, чувствуя себя чужой и неловкой. На ней только одна пижамная футболка с размытым принтом, волосы спутались в жесткие, непослушные колтуны, а лицо покрыто следами сна — сморщенное, сонное, не соответствующее образу успешного специалиста.

Меги проводит рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок, и смотрит на своё отражение в зеркале шкафа.

— Соберись, — говорит она себе вслух. Голос становится

тверже, увереннее. — Ты профессионал, и ты справишься.

Душ она принимает за пять минут: встаёт под воду, намыливается, ополаскивается — всё на автомате. Мысли скачут: *«Не подведи Мари. Не подведи команду. Зураб — важный клиент, от него зависит многое».*

Она ругает себя за каждую лишнюю минуту сна. За то, что не проверила будильник. За то, что поверила в «мы тебя разбудим». В Москве она никому не доверяла своё время. В Москве она была собранной, жёсткой, ответственной.

Здесь она стала мягче и это пугало, но времени на самокопание нет.

Меги вылезает из душа, заворачивается в полотенце, бежит к чемодану. Достает первое, что попадает под руку.

Джинсы — синие, потёртые, любимые. Белая футболка — простая, без надписей. Белые кроссовки — те самые, в которых она объездила пол-Москвы.

Она одевается быстро, не глядя в зеркало. Завязывает шнурки, прыгая на одной ноге. Хватает сумку — кожаную, маленькую, с длинным ремнём.

На пороге комнаты вспоминает про волосы. Пальцы сами собирают их в высокий пучок — небрежный, с выбившимися прядями. Так быстрее и удобнее. Так она выглядит так, будто приложила усилия, хотя на самом деле — нет.

Зеркальце и блеск уже в сумке, там же гигиеническая помада, прозрачная, чтобы губы не сохли на солнце.

Меги выбегает из номера.

Коридор встречает её тишиной. Ковролин глушит шаги, кондиционеры мерно гудят. Где-то за закрытыми дверями слышны голоса, смех, звон посуды — отель живёт своей жизнью.

Меги идёт к лифту быстро, но без паники, она понимает, что у неё есть время. Девочки ждут: Нино не злится, иначе написала бы иначе, Эка вообще никогда не злится, Дато — тем более.

Но внутри всё равно колотится: *«первое впечатление, первое впечатление»*.

Она нажимает кнопку вызова, лифт приезжает почти сразу. Меги заходит внутрь, нажимает второй этаж. Она достаёт зеркальце, смотрит на себя — глаза ещё сонные, но уже блестят. Кожа чистая, родинки на месте. Пучок держится нормально, выглядит почти презентабельно.

Меги красит губы гигиенической помадой — без цвета, чтобы увлажнить, растирает блеск пальцем, продолжая смотреть в зеркало.

В этот момент лифт останавливается на третьем этаже, двери открываются.

Меги не сразу осознает, что пространство лифта перестало быть исключительно ее собственностью и что кто-то еще вошел внутрь. Она по-прежнему погружена в свое отражение: пристально всматривается в каждую деталь своего лица в маленькое зеркальце, методично подправляя контур губ, добиваясь идеальной, безупречной четкости помады. Лишь

краем глаза, ловя движение в периферийном зрении, она фиксирует тень, нависшую за спиной, и силуэт мужской фигуры, застывшей в углу кабины.

Первое, что бросается ей в глаза при беглом сканировании ситуации — это обувь, точнее кроссовки — они белые, ослепительно чистые, с идеально выглаженными шнурками, и самое поразительное — они выглядят точь-в-точь как её собственные. Та же модель, тот же оттенок, та же минималистичная элегантность. Меги с трудом сдерживает улыбку, которая уже играет на губах, превращаясь в нервный смешок. Она резко опускает лицо вниз, делая вид, что собирает остатки блеска для губ в свою сумочку. Это позволяет ей скрыть радость и не выдать себя. Какое время выбрал этот человек! Стоять посреди отеля, в душном лифте, и с таким видом тарашиться на неё, демонстрируя полное совпадение стиля. Она чувствует себя участницей странного, немом конкурса идентичности, где победил случай, а не осознанный выбор.

В этот момент телефон вибрирует в кармане, нарушая тишину и её внутренние размышления. Меги достает устройство — экран горит ярким уведомлением от Мари.

«Меги, я знаю, что у тебя командировка, и ты пытаешься отдохнуть, найти баланс, но напоминаю: Зураб — клиент не просто важный, он ключевой. Сделай всё возможное, чтобы он захотел работать с нами дальше, произведи впечатление. Ты можешь. Не подведи».

Текст кажется написанным с легкой тревогой, сквозя-

щей в каждом слове. Меги напрягается, чувствуя, как плечи невольно поднимаются к ушам. Она перечитывает сообщение дважды, затем трижды, пытаясь вникнуть в скрытый смысл каждого слова.

С одной стороны, это общий проект — большой, амбициозный, с долгосрочными планами на годы вперед, обещающий стабильный доход и репутационные победы. С другой стороны — это её первая командировка. Первая. Впервые она остается одна в чужом городе, впервые несет полную ответственность за результат без плеча коллеги рядом. Если она провалит переговоры, Мари, конечно, не уволит её со скандалом — это слишком дорого для компании, но память у руководителя хорошая. Она запомнит, а Меги не хочет, чтобы её запоминали как ту, кто подводит, как слабое звено в цепи, которое нужно заменить.

Она снова фокусируется на фразе: «*Произведи впечатление*». Что именно от неё хотят? Зураб уже видел их всех. Уже общался с менеджерами, уже просматривал презентации, уже почти согласился на условия. Чего еще? Какой финальный штрих нужен, чтобы перевесить чашу весов?

Мысли прерываются резким, неловким жестом незнакомца. Он делает шаг в сторону, явно уступая ей путь, но делает это так резко и неуклюже, будто сам обжегся о собственную руку или испугался прикосновения воздуха. Меги поднимает глаза. Она кивает коротко, сухо, вежливо, но без капли интереса или тепла. Её взгляд скользит по нему, не задержи-

ваясь ни на секунду дольше необходимого. Она выходит из лифта, стараясь не нарушить ритм шага.

Она не смотрит на его лицо, категорически не хочет, потому что, если посмотрит — засмеётся в голос, а это невежливо, непрофессионально и абсолютно недопустимо в деловой среде. Смех над такой абсурдной ситуацией (совпадение кроссовок, странное поведение) разрушит её образ собранного профессионала, поэтому она быстро убирает телефон в глубокую сумку, застёгивает молнию со щелчком, подтверждающим её решимость. Всё ещё не поднимает глаз, концентрируясь на текстуре ковра под ногами.

Незнакомец делает шаг вперёд, она чувствует его присутствие, тепло и движение воздуха, а не видит. Она чувствует, как он следует за ней. Она не смотрит на него, не запоминает лица, черты, цвет волос, не замечает ничего, кроме тех самых белых кроссовок, которые смешно и нелепо совпали с её собственными, создавая иллюзию близости, которой не существует.

В коридоре она ускоряется, шаги становятся увереннее, ритмичнее. Номер 223. Где это? Налево? Направо? Она оглядывается, вчитываясь в тускло светящиеся таблички, пытаясь заглушить остаточное ощущение странного совпадения и тревожное эхо сообщения от Мари.

Она пытается вспомнить, почему девочки вдруг решили собраться у Дато. Может быть, Нино захотела обсудить стратегию до вечерней встречи. Может быть, Эка принесла свои

отчёты. Может быть, Дато просто нашёл способ совместить работу с завтраком.

Меги сворачивает за угол, видит табличку «223». Стучит. Дверь открывает Дато, жуёт бутерброд и улыбается.

— О, Меги проснулась! — говорит он. — А мы думали, ты до вечера проспишь.

— Я прошу прощения, — Меги заходит в номер. — Это больше не повторится.

Нино сидит на кровати с ноутбуком, поднимает глаза:

— Не бери в голову, встреча перенеслась. Ты вовремя, так что садись, будем работать.

Эка протягивает ей кружку с кофе, Меги садится, делает глоток.

Внутри тепло от того, что коллеги не злятся, не осуждают. Она мягко улыбается, но напряжение не уходит.

ГЛАВА 13

Церковь в Гонио возвышается на крутом холме, предлагая панорамный вид на бескрайнее Черное море, которое здесь кажется особенно глубоким и спокойным.

Это небольшое белое здание с характерным синим куполом, скромное по размерам, уютное и теплое, оно не пытается поразить воображение грандиозной архитектурой, как величественные соборы Тбилиси, но в его стенах есть нечто подлинное, живое и непритворное. Дорога к ней петляет по склону, извиваясь среди запущенных старых виноградников и маленьких домиков с традиционными черепичными крышами, которые кажутся частью самого ландшафта. Машины карабкаются вверх медленно, почти с трудом, поскольку дорога слишком узка для встречного движения, и водители вынуждены постоянно уступать друг другу, создавая особую атмосферу медленного, неторопливого путешествия.

Ото сидит на заднем сиденье, наблюдая за проплывающим за окном пейзажем. Рядом с ним расположился Лаша, который улыбается уже весь день с такой энергией, будто это его собственная свадьба. Впереди, рядом с водителем, сидит Георгий. Он перестал нервничать еще утром, когда впервые надел смокинг, и теперь просто счастлив, и тих.

— Ты как? — спрашивает Лаша, слегка толкая Ото локтем.

— Нормально, — отвечает Ото, не отрывая взгляда от окна.

— Хватит уже молчать, сегодня праздник.

— Я помню.

— Тогда улыбнись.

Ото поворачивает голову, смотрит на Лашу долгим взглядом, потом, с усилием, растягивает губы в подобие улыбки.

— Жуть, — говорит Лаша. — Лучше не надо.

Ото усмехается. Настоящей усмешкой, без напряжения. Лаша прав — сегодня праздник, Георгий женится, они едут в церковь на высоте, где ветер пахнет морем и соснами — это не день для серьезных лиц.

Машина останавливается у ворот. Впереди, у церкви, уже ждут гости — немного, человек двадцать, самые близкие. Цветы, ленты, белые шары.

Георгий выходит первым, поправляет пиджак, и смотрит на церковь.

— Ну что, брат, — говорит он, оборачиваясь к Ото. — Идем?

Ото кладет руку ему на плечо.

— Идем, — говорит он. — Не подведи.

Георгий улыбается.

— Ты знаешь, я никогда не подведу.

Ото знает. Георгий поднимал их на татами, когда они падали, и всегда улыбался, говорил: «Вставай, еще не конец». Он не подведет сейчас.

Венчание, это священное и торжественное действо, занимает ровно час. Время в эти минуты течет иначе — медленно, тягуче, словно расплавленное золото, наполняя каждую секунду особым, невыразимым смыслом. Ото стоит слева, занимая отведенное ему место среди гостей, его фигура кажется статичной и спокойной. Справа, зеркально ему, стоит Лаша, чье присутствие также важно в этом круге близких людей. В самом центре, перед величественным резным алтарем, возвышается Георгий.

Невеста поражает своим видом. Она облачена в белоснежное платье из множества слоев кружева и шелка, которое кажется почти невесомым. Длинная, прозрачная фата ниспадает с ее головы, скрывая часть черт лица и создавая ореол таинственности и чистоты. В руках она держит небольшой букет из белых роз и эвкалипта — цветов, символизирующих верность и бесконечность. Она молода, и ее красота не просто внешняя, она сияет изнутри. Ее глаза, полные слез радости и глубокой привязанности, не отрываются от жениха ни на секунду. В этом взгляде читается вся история их любви: преодоленные трудности, долгие разговоры до рассвета и тихие вечера, проведенные вместе.

Священник, одетый в парчовые облачения, начинает читать молитвы. Голос его звучит глухо, но мощно, эхом отражаясь от высоких сводов храма. Слова произносятся на древнем грузинском языке — языке, который веками хранил память народа. Ото не понимает большинства изречен-

ных слов, грамматических конструкций и библейских отсылок, но он отчетливо чувствует их вес. Каждое слово кажется тяжелым камнем, который опускается в глубину души. Они входят в него не через слух, а через ощущения: через солнечный свет, который пробивается сквозь цветные витражи купола, окрашивая воздух в оттенки бирюзы и золота; через густой, обволакивающий запах ладана, смешанный с запахом старого дерева и восковых свечей; через ту самую тишину, которая стоит в церкви. Эта тишина не пуста, она наполнена присутствием Бога, присутствием истории и присутствием тех, кто молится здесь еще до них.

Наступает момент обмена кольцами — традиционный ритуал, когда кольца трижды перекладываются из руки в руку, символизируя бесконечность и взаимность. Руки Георгия заметно дрожат. Он не волновался утром, когда собирался, когда поправлял галстук перед зеркалом, когда ехал к церкви., но сейчас, в момент абсолютной реальности обещания, которое он дает перед Богом и людьми, его нервы выдают его. Ото замечает эту дрожь сразу, Лаша тоже замечает. Они переглядываются, и в их взглядах вспыхивает тихая, теплая улыбка — не насмешка, а понимание. Оба знают Георгия, оба знают, как сильно он любит невесту, и эта дрожь — лучшее доказательство искренности его чувств.

Потом следует поцелуй — нежный, полный тихой страсти и благодарности. Он затягивается на несколько секунд, и весь храм замирает. Гости аплодируют, звук разбивает са-

кральную тишину, возвращая всех в мирской ритм. Кто-то уже плачет — это мама Георгия, женщина с седыми волосами, аккуратно убранными под платок. Она уже не может сдерживать слезы, их поток неумолим. Она смотрит на сына с выражением, которое невозможно перевести на язык слов: смесь гордости, облегчения и страха перед будущим, которое теперь будет иным.

Ото смотрит на эту сцену и думает:

«У него есть кто-то, ради кого он стоит здесь. Ради кого он дрожит, ради кого он дает клятвы. У меня есть только школа».

Его мысли блуждают по привычным тропам: татами, соревнования, расписание, бесконечный поток информации, который нужно усвоить. Его жизнь — это путь интеллектуального развития, а не эмоционального привязывания.

Но сегодня эта мысль не кажется горькой. Обычно она могла бы вызвать чувство зависти или одиночества, но сейчас она звучит просто как констатация факта. Как описание двух разных путей, которые ведут к разным целям. Нет ни ревности, ни сожаления, есть лишь уважение к тому, что у Георгия есть эта глубокая, земная связь, и спокойное принятие своей собственной дороги.

На выходе из церкви, где уже царит шум, смех и звон бокалов, Ото ловит взгляд Георгия. Тот стоит рядом с невестой, обняв ее за талию, но поворачивается к Ото. Георгий подмигивает ему — легким, дружеским движением глаза, пол-

ным тепла и признательности, и Ото чувствует что-то теплое, расширяющее грудь изнутри. Это чувство братства, которое не стирается годами, не исчезает с расстоянием и не угасает с изменением обстоятельств. Оно просто есть, как фундамент, на котором стоит их дружба, крепкий и надежный, как камень этого самого храма.

Фотосессия обещает затянуться ещё на два долгих, насыщенных часа. Это не просто серия снимков, а целая история, которую нужно рассказать через объектив, ловя каждый миг, каждую эмоцию, каждый оттенок света.

Сначала у старинной церкви, чьи каменные арки контрастируют с бескрайней синевой моря. Ветер слегка колышет платья и пиджаки, создавая естественную динамику. Потом в лабиринтах старого города Гонио, где время, кажется, остановилось. Здесь, среди узких, мощеных булыжником улочек и покрытых мхом каменных стен, фотоаппарат будет ловить игру теней и теплоту древнего камня. Наконец, на пляже, где мягкие волны ласково лижут белый песок, оставляя влажные следы. Здесь, под ярким солнцем, нужно поймать тот самый момент легкости и счастья.

Георгий и его невеста — абсолютный центр этого вселенского танца. Все взгляды, все объективы направлены на них. Гости же лишь живая, радостная часть этого пейзажа, окружающая пару. Лаша, неугомонный и веселый, то и дело пытается разрядить обстановку, подшучивая над серьезным лицом фотографа, который требует идеальной композиции.

За эту шутку он тут же получает аккуратный, но ощутимый удар локтем в бок от строгого Беки, который знает: сейчас не время для хаоса. Ото же предпочитает держаться в стороне. Когда его не зовут в кадр, он стоит чуть в отдалении, склонив голову, и смотрит на море. Его взгляд спокоен, глубок, он впитывает этот день, наблюдая со стороны, как верный страж.

Иногда фотограф, улавливая нужный ракурс или настроение, поворачивается к нему:

— Ото, идите сюда. Рядом с женихом. Нужно добавить веса композиции.

Ото подходит, встаёт ровно и смотрит в объектив. Не улыбается широко, но и не напрягается, не строит гримас. Он просто есть, быть самим собой, в своей естественной, недо-тошной манере.

— Отлично, — говорит фотограф, щелкая затвором. — У вас лицо как у воина... настоящий грузин. В этом взгляде есть история, сила и достоинство.

Ото лишь кивает. Ему всё равно, что говорят окружающие, какие комплименты сыплются в его адрес или какие оценки выносит профессионал. Сегодня — день Георгия, день его друга, его брата по духу. Остальное шум, свет, тени, слова — неважно. Важно то, что происходит в центре, важно поддержать этот праздник.

К пяти часам жаркий день начинает спадать, и все возвращаются в отель.

Ресторан при отеле преобразается до неузнаваемости. Ещё вчера здесь был обычный, функциональный зал с панорамными окнами, через которые виднелась лишь морская гладь. Сегодня же пространство превратилось в сказочную декорацию. Всё залито цветами и мерцанием свечей. Белые лилии, нежные кремовые розы, густая зелень — букеты расставлены так, чтобы создать ощущение цветущего сада внутри помещения. Свечи — длинные, тонкие, в изящных прозрачных подсвечниках, мерцают по всему периметру, отбрасывая мягкие, танцующие тени на стены. Занавески из воздушной, полупрозрачной ткани, белой и с золотыми нитями, колышутся от легкого сквозняка, добавляя интерьеру торжественности и романтики. На стойке регистрации возвышается роскошная арка из живых цветов, за которой уже расположился музыкант, настраивающий инструмент.

Гостей ровно пятьдесят — самые близкие, те, кто действительно дорог: семья, друзья детства, несколько коллег, с которыми связывают не только рабочие моменты, но и человеческая теплота. Ото узнаёт лишь половину лиц, но это не вызывает тревоги. Он чувствует себя спокойно, комфортно. Здесь нет давящей толпы, нет навязчивого шума — это камерное, интимное пространство, где каждый гость важен.

Столы расставлены буквой «П», создавая уютную атмосферу единения. На столах расстелены идеально гладкие белые скатерти, хрустальные бокалы, играющие преломлением света, и изысканный фарфор. На каждом месте, рядом с

прибором, лежит небольшая веточка лаванды, источающая тонкий, успокаивающий аромат.

Ото садится с краю, занимая место, откуда хорошо видно вход и общий план зала. Лаша устраивается рядом, сразу готовый к общению. Георгий и его невеста занимают почетные места во главе стола, словно королева и король на своем балу. Начинаются тосты.

Первый — отец невесты. Его голос дрожит от волнения, слова искренние, трогательные. Второй — мама Георгия, которая смотрит на сына с такой любовью, что хочется плакать. Третий — друг детства, который специально прилетел из Европы, чтобы быть здесь. Он говорит о прошлом, о юности, о том, как далеко они зашли.

Ото не пьёт. Перед ним стоит графин с чистой минеральной водой. Лаша замечает это, фыркает, делает многозначительное лицо, но ничего не говорит. Он знает: Ото не пьёт никогда — это не вопрос принципа или здоровья, это часть его внутренней дисциплины, его тишины, его присутствия в моменте, и сегодня, в этот шумный, яркий, эмоциональный день, трезвый ум Ото — его якорь, его способность видеть всё целиком, чувствовать всё глубоко, оставаясь самим собой.

Георгий медленно, с видимым усилием отталкивается от тяжелого деревянного стола, и его тело обретает вертикальное положение. В комнате пахнет жареным мясом, дымом от очага и густым ароматом старого вина. Он уже немного под-

пит, но не настолько, чтобы потерять контроль: его глаза горят ярким, живым блеском, отражая свет факелов, а улыбка расплывается до ушей, обнажая белые зубы в свете вечернего зари. В крепких, жилистых руках он держит огромный рог — древний сосуд для вина, выточенный из бычьего рога и украшенный по ободу тонкой серебряной насечкой, которая мерцает в полумраке.

— Ото, — произносит он громко, его голос звучит чуть хрипло, но властно, перекрывая гул разговоров. — Выходи.

Ото поднимает голову от тарелки. Его лицо, обычно каменное и неподвижное, не выражает никаких эмоций. Он не умеет говорить тосты, не знает придуманных слов о любви и долгой жизни. Он вообще не умеет говорить. Его язык слишком долго был прикован к внутренней тишине, чтобы вдруг начать извергать красивые фразы.

Лаша, сидящий рядом, пихает его локтем в бок, достаточно сильно, чтобы нарушить погружение Ото в себя.

— Иди, — шепчет он, стараясь, чтобы его слова были слышны только брату. — Ради Георгия., это его день, не разрушай момент.

Ото вздыхает, почти незвучно, и встаёт. Его движения плавны и точны, как у хищника, привыкшего к своему пространству. Он идёт к жениху, чувствуя, как тяжесть взглядов давит на его плечи. Пятьдесят пар глаз поворачиваются к нему одновременно — это не страшно, он выступал перед тысячами зрителей на больших аренах, когда его тело билось

в схватке, а крики толпы сливались в единый рев, но там, на татами или песке арены, другая динамика. Там он молчал, потому что молчание было его оружием, щитом и языком силы. Здесь же тишина кажется навязчивой, требовательной.

Георгий протягивает ему рог. Вино внутри него — тёмно-рубиновое, густое, как кровь, пахнет солнцем, выжженной землей и ферментированным виноградом. Оно выглядит тяжелым и значимым.

— За брата, — говорит Георгий, глядя Ото прямо в глаза, без тени насмешки, только с чистой, искренней теплотой. — За того, кто никогда не предаст. Ты знаешь, о ком я говорю, ты всегда был рядом.

Ото берёт рог. Дерево и металл холодны под его ладонями. Он смотрит на вино, которое медленно колыхнется в углублении рога, затем переводит взгляд на Георгия. В этом взгляде читается упрямство, граничащее с отчаянием.

— Я не пью, — говорит он тихо, но так, что тишина в зале становится абсолютной.

— Сегодня пьёшь, — Георгий не отступает, его голос становится тверже, хотя в глазах всё ещё светится просьба. — Ради меня, брат, это важно для меня.

Тишина за столом давит на уши. Кто-то из гостей нервно улыбается, поправляя край одежды, кто-то замирает, затаив дыхание, ожидая развязки. Лаша напряжённо смотрит на Ото, его плечи вздернуты, готовый в любой момент вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля.

Ото поднимает рог выше уровня груди. Он смотрит на собравшихся, затем снова на брата.

— Я не умею говорить тосты, — произносит он громко, его голос звучит сухо, но уверенно, эхом отражаясь от каменных стен. — Я не знаю красивых слов, но я умею быть другом. Георгий, ты был рядом, когда мы падали на татами, когда кости хрустели, а кровь стучала в висках. Ты всегда поднимал нас, когда мы были слишком слабы, чтобы встать сами. Теперь ты поднял свою жизнь, создал новую семью, новую историю. Я горжусь тобой, будь счастлив, иди с Богом.

Он подносит рог к губам. Сосуд тяжел, и его рука слегка дрожит от напряжения. Он делает глоток: вино тёплое, сладкое, чуть терпкое, оно обжигает горло, спускаясь вниз горячим потоком. Оно согревает изнутри, разливаясь по телу тяжёлым, приятным теплом, заставляя забыть о неловкости.

Гости хором хлопают в ладоши, звук раздается резко и радостно. Георгий тут же обнимает его, крепко-крепко, так, что ребра Ото скрипят от напряжения. Лаша, забывшись, кричит: «*Молодец!*», его голос срывается на восторженную ноту.

Ото медленно возвращается на своё место. Он садится, чувствуя, как вино начинает медленно, но верно разливаться по телу, смягчая острые углы реальности. Голова слегка кружится, создавая ощущение легкой, приятной невесомости.

— Ну что, — Лаша наклоняется к нему, его лицо сияет от смеха и облегчения. — Стал человеком? Наконец-то на-

учился тосты говорить?

— Помолчи, — отвечает Ото без злости, с едва заметной, почти неуловимой улыбкой на краях губ. Он делает еще один глоток, на этот раз из своей чаши, и позволяет себе насладиться моментом.

К восьми часам Ото чувствует себя странно. Не пьяным — слишком мало вина для этого, но каким-то другим — лёгким. Глаза блестят, лицо немного покраснелось. Та серьёзность, которая всегда сидит в нём как второй скелет, отходит на второй план.

Он улыбается настоящей улыбкой, не дежурной.

Лаша замечает.

— О-о, — тянет он. — Кто это? Это наш Ото? Который всегда молчит?

— Отстань, — Ото машет рукой.

— Нет, подождите, — Лаша поворачивается к Бека. — Посмотрите на него. Он улыбается, пьёт. Он...

— Я пью воду, — перебивает Ото.

— Но до этого ты выпил вино из рога. Я видел.

— Это было ради Георгия.

— А это что? — Лаша указывает на его лицо. — Тоже ради Георгия?

Ото не отвечает, демонстративно отворачивается и смотрит на танцпол.

Там уже играет музыка — грузинские песни, но в новой обработке, с басом и битами. Молодёжь высыпала в центр,

танцует.

И Ото вдруг чувствует желание тоже выйти.

— Ладно, — говорит он. — Хватит сидеть.

Он встаёт, Лаша удивлённо смотрит:

— Ты куда?

— Танцевать.

Лаша открывает рот, но через мгновение закрывает, после чего встаёт следом.

Они выходят на танцпол, перешагивая невидимую грань между повседневной суетой и моментом чистого, беззаботного присутствия.

Площадка перед ними огромна, выстлана темным дубовым паркетом, который под ногами слегка скрипит, отдавая эхом басов. Свет здесь приглушен, приглушен до состояния полумрака, где играют лишь отражения от диско-шара и неоновые вспышки, разрезающие дымку в воздухе. Музыка играет громко, навязчиво, ритмично, она не просто звучит, она вибрирует в самом полу, в стенках, в груди, заставляя сердце биться в унисон с ударными.

Ото не умеет танцевать под современные треки совсем. Его тело помнит лишь другой язык движений. Он танцевал только грузинские народные танцы в детстве, в школьном ансамбле, когда каждый жест был регламентирован, каждое движение несло в себе вековую историю и строгую эстетику. Последний раз он стоял в кругу, делая резкий присед и выпрямляясь с достоинством, пятнадцать лет назад. С тех пор

его мир сузился до жестких правил дзюдо: кимоно, татами, счет судьи, холодная дисциплина тела. Там не было места спонтанности, только техника и контроль.

Но сегодня, под действием теплого вина, обжигающего горло, и бесконечного смеха друзей, который разносится по залу, он чувствует себя иначе. Страх потери контроля отступает. Казалось бы, непробиваемая броня его серьезности даст трещину, и через нее прорывается что-то живое, теплое, свободное.

Лаша уже двигается неуклюже, но с невероятным, заразительным энтузиазмом. Он размахивает руками, словно пытаясь разогнать невидимых мух, топают ногами, путаясь в собственных ногах, но его лицо сияет такой искренней радостью, что невозможно остаться равнодушным. Бека присоединяется к нему, пытаясь показать какие-то движения, похожие на попытку танцевать хип-хоп: рывки плечами, неловкие выпады, имитация брейк-данса, которая выглядит скорее как конвульсии, чем как искусство. Это выглядит нелепо, комично, почти гротескно, но именно в этой нелепости кроется главная прелесть момента — абсолютное отсутствие претензии на совершенство.

Ото делает шаг вперед. Его ноги, привыкшие к твердому татами, скользят по дереву. Он пытается повторять ритм, считая про себя: раз-два, раз-два. Получается коряво. Ноги не слушаются, они словно чужие, тяжелые и неуклюжие. Плечи напряжены до предела, мышцы сведены старым при-

вычным страхом сделать что-то не так. Лаша замечает его застывшую позу, смеется звонко, открыто, без злобы.

— Ото, ты как робот! — кричит он ему поверх музыки, разводя руки в стороны. — Расслабься! Отпусти всё!

Ото замирает на секунду, пытается расслабиться. Он закрывает глаза на мгновение, отключая зрение, чтобы лучше услышать внутренний пульс. Позволяет себе просто двигаться, не думая, не анализируя, не оценивая результат. Он отпускает контроль и вдруг это начинает получаться.

Музыка проникает в него, как вода в сухую землю. Ритм находит отклик в ногах, заставляя их двигаться инстинктивно, а воздух, густой от запаха пота и дешевого алкоголя, наполняет грудь, заставляя её расширяться. Он смеется, запрокинув голову назад, глядя на мигающие огни. Чувствует, как Лаша хлопает его по плечу, что-то кричит ему на ухо, но голос тонет в мощном потоке звука, становясь частью общего гула радости.

Георгий выходит к ним, захватывая пространство вокруг. Он обнимает обоих сразу, крепко, по-мужски, вжимая в свои плечи.

— Мои братья! — кричит он, и его голос срывается на высокий регистр. — Вы лучшие! Просто лучшие!

Ото обнимает друга в ответ, чувствуя тепло его тела, жесткость мышц. Он чувствует запах дорогого парфюма, смешанный с потом, с винным духом и с тем специфическим ароматом ночного клуба. Это смесь, которая пахнет счастьем.

Пахнет жизнью, настоящей, бурлящей, не отрегулированной расписанием.

Впервые за долгое время, возможно, впервые за всю сознательную жизнь, он не думает о школе, о бесконечном ремонте помещения, который тянется уже полгода, о деньгах, которых всегда в обрез, об Олимпийской медали, которую нужно получить любой ценой, чтобы открыть двери в будущее. Все эти проблемы, эти камни, которые он носил на плечах, растворяются в свете и звуке.

Он просто танцует — неуклюже, нелепо, забавно, без цели, без плана, без ожидания награды, и ему хорошо.

К десяти часам вечера свадьба достигает пика. Гости танцуют, пьют, смеются. Георгий и невеста кружатся в центре, за ними все, кто помещается на площадке.

Ото возвращается за стол, выдыхает, пьёт воду большими глотками. Лаша садится рядом, тоже уставший, но довольный.

— Ну как? — спрашивает он. — Отдохнул?

— Не знаю, — честно отвечает Ото. — Но было весело.

— Ты сказал «весело», я это запомню.

Ото усмехается, смотрит на танцпол.

Там обычная свадьба: музыка, цветы, свечи. Люди радуются за двоих влюблённых, и Ото вдруг думает: *«А у меня будет такое? Смогу ли я когда-нибудь стоять в центре и держать чью-то руку?»*

Мысль приходит и уходит, он не задерживается на них.

Впереди расстилается темное, бесконечное море, сулящее нечто необычное.

Свадебный торт выносят ровно в одиннадцать, когда полдень уже начинает клониться к вечеру, а воздух в зале становится густым от запаха жареного мяса, сладких вин и сотен тел, согретых танцами.

Он огромен — настоящий архитектурный шедевр, возвышающийся на специальной подставке среди остальных угощений. Четыре яруса, каждый меньше предыдущего, сложенные из идеально гладкого белого крема, который кажется почти ослепительно ярким при свете праздничных софитов. Золотые узоры, нанесенные с ювелирной точностью, переплетаются в сложные завитки, символизирующие бесконечность союза, а на самой верхушке, словно корона, расцветают живые белые розы и пионы, их лепестки еще хранят прохладную свежесть утра. Гости аплодируют так громко, что эхо разносится по высоким потолкам; кто-то свистит, восторгаясь, другие хлопают в ладоши, забывая о диете и правилах приличия. В центре внимания Георгий и его невеста. Они держат тяжелый серебряный нож вместе, их руки слегка дрожат от волнения и напряжения. Первый разрез получается неловким, корочка хрустит громче, чем нужно, но это смешит их больше, чем удивляет гостей. Они смеются, глядя друг другу в глаза, и в этом смехе есть та самая искра, которая делает момент по-настоящему красивым.

Ото стоит в стороне, у края танцпола, и смотрит на них.

Его взгляд скользит по улыбающимся лицам, по блеску в глазах молодоженов, и вдруг, как удар током, его пронзает воспоминание. Вспомнилось всё начало.

В начале свадьбы, сразу после того, как старейшины объявили их мужем и женой, под звон бокалов они вышли на центр зала, чтобы танцевать «Картули».

Ото не видел этого танца десять лет. Десять лет казались целой вечностью, временем, когда жизнь текла иначе, быстрее, жестче. Последний раз, когда сам стоял на сцене в пятнадцать, в пышном национальном костюме, с вышитыми узорами, которые касались пола, с чувством, что он умеет всё на свете, что мир принадлежит ему. Тогда, в юности, «Картули» казался просто красивым танцем. Сложным, требующим невероятного контроля мышц, координации и выносливости, но в первую очередь, эстетически прекрасным зрелищем.

Теперь, глядя на Георгия и его невесту, Ото понял истину, которую раньше игнорировал или не мог осознать.

Картули — не просто танец, это глубокий, немой диалог двух душ. Мужчина и женщина встречаются на танцполе, но их тела никогда не касаются друг друга. Это игра дистанции, где каждый шаг имеет значение. Он приближается, она отступает, сохраняя достоинство и загадочность. Он настаивает, проявляя настойчивость, но не агрессию, она позволяет приблизиться на шаг, давая разрешение. Он опускается на одно колено, демонстрируя уязвимость и силу духа однове-

менно, она медленно обходит его, признавая его силу, его достоинство и его право быть главой семьи.

В «Картули» нет пошлости, дешевого флирта, попыток соблазнить в буквальном смысле. Есть только чистое, неприкосновенное уважение. Есть принятие другого человека таким, какой он есть. Есть глубокое понимание: я пришёл к тебе с чистыми намерениями, с открытым сердцем, и ты признаёшь эти намерения, принимая их как дар.

В Грузии говорят, что «Картули» танцуют раз в жизни. Не потому, что нельзя танцевать чаще или что это запрещено правилами, а потому, что настоящий «Картули» — это не развлечение, это священное обещание. Когда мужчина встаёт на колено перед женщиной в этом танце, он не просто исполняет хореографический элемент. Он говорит без слов: **«Я выбираю тебя. Только тебя. На всю жизнь. Я обещаю беречь тебя, уважать тебя и идти рядом с тобой».**

Георгий танцевал так, будто знал это с детства, будто эта мудрость была в его крови. Его движения были уверенными, но мягкими, в них не было спешки. Его невеста тихо, скромно, с опущенными глазами, которые не встречались с его взглядом, но передавали ту же глубину чувств — признавала его выбор, и в этом тихом согласии, в этом обмене взглядами сквозь опущенные ресницы было что-то святое, трогательное до слез.

Ото смотрел и чувствовал, как внутри, где-то глубоко в груди, отзывается глухое, болезненное эхо.

Он тоже умел танцевать этот танец. В той жизни, где он был мальчишкой с горящими глазами, который верил, что однажды встретит свою единственную, свою судьбу, и что их танец будет длиться вечно.

Где та жизнь? Она осталась там, в прошлом, в образе пятнадцатилетнего мальчишки, который вышел из ансамбля после какого-то неудачного выступления или разочарования и больше никогда не надевал этот костюм. Больше никогда не танцевал. Не потому, что забыл движения, а потому, что потерял веру в самую возможность такого чистого, безоговорочного союза.

Ото резко отворачивается от танцпола, чтобы скрыть блеск, который может появиться в глазах. Он берет стакан с водой, делает глоток, чувствуя, как холодная жидкость обжигает горло. Не хочет думать об этом. У Ото своя история, свои тени и своя тишина, которую он носит с собой, как тяжелый, невидимый плащ.

К полуночи атмосфера в зале окончательно трансформировалась: напряжение дня сменилось расслабленностью, а суета — мягкой, уютной эйфорией. Гости, наевшиеся, напившиеся и, главное, напитавшиеся эмоциями, чувствовали себя как дома. Смех звучал громче, объятия стали теплее, а улыбки — искреннее.

Музыка сменила ритмичный бит на нежные, мелодичные мотивы. Танцпол опустел лишь отчасти: кто-то действительно устал и нашел тихие уголки за столами, беседуя шёпотом

или тихо смеясь; другие же, поддавшись настроению вечера, вышли на паркет для медленных танцев, сливаясь в плавных, размеренных движениях. В центре этого романического танца стояли Георгий и его невеста. Он крепко обнимал её за талию, она уткнулась головой ему в плечо. Они почти не двигались, лишь шептались друг другу какие-то личные, интимные слова, обмениваясь нежными взглядами и тихими улыбками, будто вокруг них нет никого, кроме их двоих.

На одном из дальних столиков сидела мама Георгия. Её лицо было увлажнено слезами счастья. Она нервно перебирала кружева платка, вытирая глаза, но её губы растягивались в самой искренней улыбке за весь день. Это были слезы облегчения и радости от того, что всё прошло идеально, что её сын нашел свое счастье.

В этот момент голос ведущего, слегка приглушенный, но отчетливый, пробивается через гул голосов:

— Уважаемые гости! — объявляет он в микрофон, привлекая внимание. — Приглашаем всех насладиться зрелищем, которое мы подготовили специально для вас. Прошу выйти во двор! Вас ждет настоящий сюрприз.

Ото, который до этого момента наблюдал за происходящим из глубины зала, инстинктивно поднимается вместе со всеми. Его движения плавные, но в них чувствуется внутреннее напряжение. Он выходит на свежий воздух, и его встречает ночь.

Ночь здесь особенная: она теплая, почти бархатная, оку-

тывающая тело мягким покрывалом. Легкий ветерок с моря приносит соленую свежесть и запах влажного песка, смешанный с ароматом цветущей магнолии. Небо над Гонио открыто и безгранично: здесь, вдали от городской суеты и светового загрязнения, космос виден во всей своей величественной красе. Звезды горят не просто ярко, они сияют так интенсивно, будто сами являются источниками света, напоминая тысячи крошечных лампочек, включенных для этого вечера.

Во дворе отеля уже создана особая, почти театральная площадка. В центре пустое пространство, ожидающее действия, а вокруг, полукругом, расставлены белые плетеные стулья, которые персонал вынес специально для гостей. Люди начинают собираться: кто-то ищет свое место, поправляя одежду, кто-то остается стоять, облокотившись на спинки стульев или просто наслаждаясь прохладой. Шум обсуждений стихает, уступая место ожиданию.

Вдруг первый всполох. Высоко в небе раздается тихий свист, а затем огни взлетают вверх, разрывая темноту и рассыпаясь золотыми искрами, которые медленно, завораживающе падают вниз, освещая лица присутствующих — это фейерверк.

Воздух наполняется звуками: гости ахают от восторга, кто-то аплодирует, кто-то снимает происходящее на телефоны. Дети, не выдержавшие напряжения ожидания, визжат от чистого, детского счастья, прыгая на месте.

Ото стоит неподвижно, вскинув голову вверх. Его лицо

озарено мерцающим светом взлетов. Залпы следуют один за другим без единой паузы, создавая непрерывный спектакль. Красные, зеленые, синие, золотые — они рисуют в небесном своду огромные цветы, сложные геометрические круги и длинные светящиеся линии, которые медленно тают, оставляя после себя шлейфы дыма. Огни отражаются в огромных окнах отеля, создавая двойное изображение, и, что самое важное, они отражаются в глазах гостей, превращая их в сияющие точки, и в черную гладь моря за спиной, заставляя воду тоже гореть огнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.